НИЖЕ ЕСТЬ НЕБО

18+

Данил Бонет

Данил Бонет

Ниже есть небо

«Автор»
2026

Бонет Д.

Ниже есть небо / Д. Бонет — «Автор», 2026

Время замедляется, реальность искажается, и теперь единственная задача – выжить в этой аномальной ловушке. Стреляют ли преследователи, или же погубит странная кучка черной слизи. Может быть отряды ликвидаторов, без жалости и сострадания будут обливать тебя напалмом. А может быть, верный партии чекист, будет выбивать тебе зубы, и пытаться выудить информацию, о которой ты даже не знаешь? В этом жестоком и бесконечно отчаянном мире может быть все!

© Бонет Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 35
Глава 6 42
Глава 7 48

Данил Бонет
Ниже есть небо

Глава 1

НИЖЕ ЕСТЬ НЕБО
Глава 1

***Гигахрущёвка**, также известная как Гигахрущ, — огромный, вероятно бесконечный комплекс, состоящий из жилых блоков, заводов, НИИ и иных объектов инфраструктуры. По своей структуре он напоминает старые советские панельные хрущёвки, многократно соединённые, надстроенные, вросшие друг в друга и превратившиеся в единый неподдающийся описанию организм.*

Никому из жителей неизвестно, что такое Гигахрущёвка. Никто не знает, когда, кем и зачем она была построена. Её этажность неизвестна. Ширина, высота и длина не поддаются измерению. Комплекс простирается не только вверх, но и вниз, уходя в подземные уровни, технические зоны и этажи, о которых большинство жильцов предпочитает не говорить.

Гигахрущёвка существует автономно. Она функционирует без внешнего снабжения, без понятного центра управления и без доступного жителям входа или выхода. Если где-то и есть окна, они выходят не наружу, а на другие такие же скопления жилых массивов: облупленные фасады, ржавые балконы, глухие стены, заводские корпуса и бесконечные шахты дворов-колодцев.

Для обитателей Гигахрущёвки этот комплекс — не временное убежище, а единственная возможная реальность. Поколения сменяют друг друга, дети вырастают, старики умирают, но жизнь внутри почти не меняется. По некоторым неподтверждённым данным, так продолжается уже не менее трёх поколений.

Периодически Гигахрущёвка страдает от явления, известного как Самосбор.

Самосбор — явление неустановленной природы, время от времени возникающее в Гигахрущёвке и затрагивающее большие группы этажей.

Доподлинно неизвестно, что именно представляет собой Самосбор, почему он начинается и при каких условиях возникает. Также неизвестно, каким образом он воздействует на организм человека. Известно только одно: его влияние всегда пагубно для любого живого существа.

Самосбор не может начаться внутри жилого помещения. Он возникает только в коридорах, лестничных клетках, переходах и иных общих пространствах.

На время явления поражёнными оказываются коридоры и лестничные пролёты. При исправной и запертой гермодвери существует шанс, что Самосбор не проникнет в жилище. Однако гермодверь не является абсолютной гарантией безопасности.

Те, кто оказывается во время Самосбора на поражённых этажах вне закрытого помещения, не выживают.

Непосредственно перед началом явления на затрагиваемых этажах срабатывает аварийная сигнализация — если она ещё исправна. Обычно сирены включаются за три-пять минут до начала. За это время жители должны бросить всё и успеть добежать до своих жилых блоков.

Все жилые помещения снабжены прочными гермодверями. Именно они считаются главным средством защиты.

После окончания Самосбора на поражённые этажи прибывают члены специальной организации — ликвидаторы. Обычно от одного до шести человек на этаж. Их задача — зачистить территорию от последствий явления.

Что именно они там находят, жильцам знать не положено…

Леонид

Глухой удар пришёлся в челюсть.

Во рту тут же появился солоноватый привкус крови. Голова дёрнулась в сторону, перед глазами вспыхнули мутные белые пятна. Я попытался пошевелиться, но руки были туго связаны за спинкой стула. Верёвка или ремень впивались в запястья так сильно, что пальцы уже начинали неметь.

Я не понимал, где нахожусь.

Комната была тесной, низкой, с облупившимися стенами и тяжёлым запахом пыли, старой бумаги и сырости. Где-то над головой тихо жужжала лампа. Свет от неё был жёлтым, больным, будто в помещении давно не было настоящего дня.

Передо мной стоял мужчина лет сорока. Гладко выбритый, в старом светло-коричневом костюме, который выглядел так, словно пережил не одно десятилетие. На лице — глубокие морщины, на носу — маленькие очки в тонкой оправе. Но больше всего я запомнил его глаза.

В них не было ни любопытства, ни сомнения.

Только раздражение.

— Говори, мать твою! — рявкнул он.

Он ходил из стороны в сторону, нервно потирая руки. Его шаги глухо отдавались от стен. Каждый раз, когда он приближался, я невольно напрягался, ожидая нового удара.

— Я не понимаю, — с трудом выдавил я. Голос прозвучал хрипло и чуждо. — Кто вы? Что вообще происходит?

Мужчина остановился.

Несколько секунд он смотрел на меня молча, а потом усмехнулся. Эта усмешка была хуже крика.

Сердце забилось быстрее.

Он отошёл к столу в дальнем углу комнаты. На столе стоял старый дисковый телефон — такой, какие я видел только в музеях, фильмах и у бабушки на даче. Мужчина снял трубку, набрал номер и коротко переговорил с кем-то. Слов я почти не разобрал, но по его лицу понял: ответ его удовлетворил.

Он аккуратно повесил трубку и снова повернулся ко мне.

— Время истекло, — сказал он тихо. — Ты мне всё расскажешь. Теперь тобой займутся сотрудники Чрезвычайной комиссии.

Я моргнул.

— Кто? Чекисты, что ли?

Ситуация была абсурдной. До боли знакомой, будто выдернутой из старого фильма про тридцатые годы. Только боль в челюсти была настоящей. Кровь во рту — тоже.

Мужчина медленно расплылся в улыбке.

— О-о-о, мальчик мой… — протянул он. — Да я, похоже, отбил тебе все мозги.

12 часов назад

Пронзительный вой автомобильных сигналов давил на уши.

Пробка тянулась вдоль проспекта плотной неподвижной массой. Кто-то ехал на работу, кто-то — по делам, кто-то просто стоял посреди города, медленно теряя терпение и время.

Я был одним из них.

Меня звать Рокашов Леонид Леонидович. Я работаю младшим научным сотрудником в НИИ геологии и геофизики. Наша лаборатория занимается геолого-геофизическими исследо-

ваниями, поиском подземных пустот, изучением структуры грунтов и оценкой перспективных площадок для разработки полезных ископаемых.

Работа, если честно, не самая романтичная. Много отчётов, выездов, грязи, тяжёлого оборудования и бесконечных согласований с проектантами. Но в тот день мне обещали хорошую премию, а потому я был настроен почти оптимистично.

Когда я наконец добрался до площадки, меня уже ждали.

Рядом с уже развёрнутым оборудованием стоял мой научный руководитель, профессор Можайцев. С ним был незнакомый мужчина в военной форме. С прямой спиной и тяжёлым взглядом.

— Леонид Леонидович, — сказал профессор, — познакомьтесь. Полковник Дегтярев.

Полковник коротко кивнул.

Можайцев объяснил, что Дегтярев представляет военный отряд, отвечающий за безопасность и конфиденциальность работ на этой территории. Местность, как оказалось, считалась стратегически важной и находилась под постоянным контролем.

Я только успел удивлённо поднять брови, как мне уже протянули соглашение о неразглашении.

Спорить было бессмысленно. Премия тоже внезапно стала выглядеть весомее.

Я подписал.

Через несколько минут мы приступили к работе. Первые результаты выглядели вполне нормально: неоднородные грунты, несколько подозрительных участков, возможные пустоты на глубине.

Ничего необычного.

Пока прибор не запищал.

Не просто подал сигнал — истерично, надрывно завыл, будто пытался предупредить нас о чём-то живом?

Я приблизился к экрану.

На изображении под нами проявилась огромная пустота. Неправильной формы, с рыхлыми краями. Карстовый провал. Но хуже было другое: датчики фиксировали движение грунта.

Обвал уже начался.

— Быстро! Бегом отсюда! — крикнул я.

Дальше земля исчезла.

Не треснула, не просела — именно исчезла под ногами, будто кто-то выдернул из реальности целый кусок поверхности.

Я успел увидеть, как полковник Дегтярев рванулся ко мне, схватил за руку и попытался вытащить. На мгновение мне показалось, что у него получится.

Потом край осыпался и под ним.

Мы рухнули вниз вместе.

Во время падения в нос ударил густой запах сырого мяса.

А потом всё поглотила темнота. Я отрубился буквально на секунду.

Пыль оседала медленно.

Сначала я не видел ничего. Только чувствовал холод под щекой, боль в боку и тяжесть в груди. Я закашлялся, попытался вдохнуть и тут же пожалел об этом: воздух был сырым, затхлым, с примесью плесени и чего-то железистого.

Я открыл глаза.

Вместо провала, камней и земли вокруг был коридор.

Старый советский коридор, похожий на подъезд хрущёвки. Облупленные стены, тусклая лампочка под потолком, грязный бетонный пол. Где-то отваливалась краска. Где-то виднелись тёмные пятна, похожие на копоть или засохшую грязь.

Но это не могло быть подъездом.

Мы ведь провалились под землю.

Я медленно сел, пытаясь понять, где Дегтярев. Голова гудела, мысли расползались. Вопросы наслаивались один на другой: где я, как сюда попал, почему сверху нет дыры, почему вокруг стены, почему так тихо?

Ответить я не успел.

В конце коридора раздались выстрелы.

Близкие, оглушительные.

Первая пуля ударила в стену рядом со мной, выбив из неё бетонную ерошку. Инстинкт сработал раньше разума: я рухнул на пол и пополз к ближайшему укрытию. Им оказался большой металлический ящик у одной из квартир.

Вторая пуля прошла совсем рядом, зацепив рукав куртки. Ткань порвалась.

Я вжался в грязный пол за ящиком и задержал дыхание.

Кто-то пытался меня убить.

Почему — я не знал.

Сколько их — тоже.

В коридоре звенело эхо выстрелов. От каждого хлопка стены будто сжимались вокруг меня. Я лежал неподвижно, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Потом стрельба стихла.

— Выходи! Стрелять не будем! — донёсся голос.

Глупо было верить. Но ещё глупее — оставаться лежать, когда тебя могли обойти с другой стороны.

Я медленно поднял руки над головой и выглянул из-за ящика.

— Н-не стреляйте…

Мне в лицо ударил луч фонаря. Я зажмурился. Свет был таким ярким, что я не видел ничего, кроме белого пятна перед глазами.

— Кто такой?! — рявкнул голос. — Почему нарушаешь регламент? У тебя тридцать секунд!

Я открыл рот, но ответить не успел.

С противоположного конца коридора, из-за угла, в стену ударила струя огня.

Пламя расплескалось по бетону, осветив коридор рыжим, живым светом. Внутри огня что-то завизжало, не по-человечески.

Существо выскочило из полутьмы, уже охваченное пламенем.

Оно было размером с дворнягу, но напоминало одновременно лягушку и крысу. Шесть лап скребли по полу, оставляя чёрные следы. Голова — круглая, гипертрофированная, почти без шеи. Выпученные глаза блестели, огромная пасть раскрывалась слишком широко, а внутри торчали ряды тонких зубов, похожих на иглы.

Люди с оружием развернулись к нему.

Хлопки выстрелов слились в один грохочущий поток. Меня оглушило. В голове возник серый шум. Существо дёргалось, визжало, пыталось ползти вперёд, но пули рвали его тело, а пламя пожирало остатки.

Через несколько секунд всё закончилось.

В воздухе запахло горелой плесенью.

Человек, который говорил со мной, снова повернулся.

— Товарищ, — произнёс он уже спокойнее, — объясните, кто вы и почему нарушаете регламент.

Я наконец смог рассмотреть их.

Пятеро. В плащах химзащиты. На лицах — чёрные противогазы ГП-7. В руках — автоматы, похожие на Калашниковы, но с какими-то странными доработками.

Я поднял взгляд к потолку.

Дыры не было.

Только старая лампочка, тускло мигающая над головой.

Как объяснить им, что я провалился сюда с поверхности? Как сказать это так, чтобы меня не пристрелили на месте?

Я сглотнул.

— Я… младший научный сотрудник НИИ геологии и геофизики. Рокашов Леонид Леонидович.

В коридоре повисла тишина.

Где-то далеко, за несколькими поворотами, послышались тяжёлые шаги. К нам приближался человек в большом чёрном термокостюме. Все вокруг заметно напряглись.

— Я не знаю такого НИИ в нашем гигаблоке, — сказал человек в противогазе. — На каком этаже он находится?

— Оно не в вашем… здан—

Договорить мне не дали.

Удар пришёлся в лицо — то ли прикладом, то ли локтем. Мир резко качнулся, пол ушёл в сторону, и я снова оказался на бетоне. В ушах звенело. Тело обмякло, сознание поплыло.

Кто-то навалился сверху, заломил руки и надел на запястья что-то вроде металлического хомута. Боль была резкой, от неё я невольно вскрикнул.

— Молчать! Встал!

Меня рывком подняли на ноги.

Повели по коридору.

Я успел заметить лестничную клетку, лифт и глухую стену там, где в обычном доме должно было быть окно.

Окна не было.

Вообще нигде.

Двери грузового лифта открылись со скрежетом.

Меня втолкнули внутрь. Кабина была большая, металлическая, пахла маслом, ржавчиной и старой гарью. На панели управления было всего десять кнопок — от нуля до девяти. Человек с огнемётом нажал какую-то комбинацию, которую я не успел рассмотреть.

Лифт дёрнулся.

Где-то над нами загудели моторы. Кабина пошла вверх, но двигалась неравномерно: то ускоряясь, то проваливаясь на полметра, то замирая с таким скрипом, будто тросы вот-вот лопнут.

Я пытался удержаться на ногах и одновременно собрать мысли.

Кто эти люди?

Что это за место?

Что за тварь мы только что убили?

И почему они говорят так, будто я нарушил какие-то правила, о которых обязан был знать?

Шум моторов внезапно оборвался.

Лифт остановился.

Двери медленно разъехались, открывая вид на просторный зал. Свет здесь был таким же тусклым, как в коридорах. Стены покрывал чёрный налёт, похожий на застывшую копоть. По залу ходили люди в защитных костюмах и противогазах. В воздухе стоял химический запах, от которого першило в горле.

Меня подтолкнули вперёд.

В дальнем углу была дверь с решеткой. Внутри — несколько стальных лавочек. Над входом висела табличка:

ИЗОЛЯТОР

Я замер на пороге.

— Внутрь, — коротко приказали мне.

Я сделал шаг.

За спиной лязгнула дверь.

Первые часы в изоляторе растянулись в бесконечность. Я сидел, не зная, сколько прошло времени. Лампа над головой мерцала. Где-то за стеной иногда проходили люди, слышались шаги, приглушённые голоса, металлические удары.

Потом был допрос.

Меня били. Снова и снова задавали одни и те же вопросы. Кто я. Откуда. Как попал на этаж. С кем связан. Кто меня прислал.

Мои ответы их не устраивали.

В конце они снова упомянули Чрезвычайную комиссию.

А потом меня бросили обратно.

Я потерял счёт времени после пятого или шестого часа.

Когда дверь изолятора вновь открылась, я уже почти не реагировал.

Внутрь вошёл человек без противогаза. Это почему-то показалось страннее, чем всё остальное. Он остановился напротив меня и внимательно посмотрел. В его глазах не было злости. Не было и сочувствия. Только усталость.

— Леонид, — произнёс он.

На пол передо мной упала моя барсетка.

Паспорт. Удостоверение. Смартфон.

— Объясните, что это?

Я осторожно посмотрел на вещи. Потом на него.

— Это мои вещи, — сказал я. Голос дрожал, хотя я пытался говорить спокойно. — Паспорт подтверждает, кто я. Удостоверение — где работаю. А смартфон… средство связи.

Он чуть прищурился.

— Средство связи с кем?

Вопрос застал меня врасплох.

Он что, правда никогда не видел телефона?

— С семьёй. Коллегами. Друзьями. Там контакты, сообщения, фотографии. В этом нет ничего опасного.

Мужчина молча изучал меня. Потом на его лице появилась слабая усмешка.

— Ваши слова звучат искренне, — сказал он. — Но в наше время искренность — роскошь. Не каждый может позволить себе её даже на мгновение.

Он наклонился, забрал барсетку и направился к двери.

Перед выходом остановился.

— Подумайте, Леонид Леонидович. Иногда незнание не спасает. Иногда оно только продлевает допрос.

Дверь закрылась.

И я снова остался один…

Глава 2

Через некоторое время дверь изолятора распахнулась снова.

На пороге стояли двое мужчин в белых халатах. Лица бесстрастные, движения точные, почти механические. Один молча указал на выход.

Я поднялся. Протестовать не имело смысла.

Мы шли по длинным коридорам, где тусклые лампы сменялись провалами тени. Стены были обшарпаны, местами покрыты пятнами сырости. На них висели старые советские плакаты: «Соблюдайте чистоту», «Экономьте ресурсы», «Бдительность — залог выживания».

Один плакат заставил меня замедлить шаг.

На нём был изображён человек в противогазе. Под рисунком крупными буквами:

ПРОВЕРЬ ГЕРМОДВЕРЬ!

Плакат был новым и сильно отличался от остальных, которые были уже изрядно потерты.

Гермодверь.

Я уже видел их. Массивные металлические двери, похожие на входы в бункер.

Но от чего они защищали?

Мой путь закончился в просторной комнате с круглым столом. Мужчины в белых халатах сели по одну сторону, мне указали на стул напротив.

Я опустился на него, чувствуя усталость во всём теле.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом один из них произнёс:

— Мы находимся в ситуации, требующей особого внимания и осторожности. Ваше сотрудничество будет зачтено. Отвечайте предельно правдиво.

На стол положили мой смартфон.

— Итак, товарищ. Расскажите подробнее об этом устройстве.

Я посмотрел на телефон.

Странно было видеть такую обычную вещь здесь — среди противогазов, гермодверей, изоляторов и людей, которые называли меня нарушителем регламента.

— Это смартфон, — сказал я. — Устройство для связи и доступа к информации. Через него можно звонить, отправлять сообщения, искать данные в интернете, пользоваться приложениями. Такие есть у миллионов людей.

Мужчины переглянулись.

— Продемонстрируйте, — сказал один из них. — Но предупреждаю: если вы попытаетесь сделать что-либо необдуманное, сюда немедленно прибудут ликвидаторы.

Я невольно усмехнулся.

— У меня складывается впечатление, что вы не знаете, что это такое. Будто вы люди из прошлого века.

Они не улыбнулись.

Один из них лишь чуть поднял брови.

— А вы, молодой человек, из какого гигаблока? И с какого этажа?

— Чего? — я нахмурился. — Я из Питера. Как я здесь оказался — сам не понимаю. Был на работе, земля провалилась, и я очнулся у вас в коридоре.

Мужчина в халате устало вздохнул.

— Нам доложили, что последствия Самосбора повредили вам разум. Ваши слова напоминают бред искателей выхода. Ничего. Мы и это вылечим. А пока будьте добры, продемонстрируйте работу вашего… сартона.

— Смартфона, — поправил я автоматически.

Он сделал вид, что не услышал.

Я взял телефон. Нажал кнопку включения. Экран засветился, и мужчины в белых халатах одновременно подались вперёд.

Я разблокировал устройство.

На дисплее появился привычный рабочий стол.

— Здесь приложения, — сказал я, стараясь говорить как можно проще. — Вот сообщения.

Я открыл пустой чат и набрал:

«Хочу домой»

— Обычно сообщение отправляется другому человеку почти мгновенно. Но здесь, похоже, нет сети.

— А что ещё может делать этот… смартфон? — осторожно спросил один.

Я открыл галерею.

Фотографии с последней поездки. Улица. Небо. Залив. Люди. Машины. Обычные кадры, которые ещё вчера казались мне бессмысленным цифровым мусором.

Теперь мужчины смотрели на них так, будто видели доказательство невозможного.

Один из них осторожно потянулся к телефону.

— Можно?

Я кивнул.

Он взял устройство почти благоговейно и начал листать фотографии. Его лицо менялось. Сначала недоверие. Потом удивление. Потом что-то более глубокое — почти боль.

— Это… места, где вы бывали? — спросил он.

— Да.

Он долго молчал. Потом тихо сказал:

— Они напоминают рассказы моей матери.

Второй мужчина резко посмотрел на него.

Но тот уже не остановился.

— В детстве она говорила, что за пределами Гигахруща есть мир. Небо. Вода. Города, не соединённые коридорами. Её считали сумасшедшей.

Он поднял на меня глаза.

— А теперь я понимаю, что она не лгала.

Комната словно стала холоднее.

Я почувствовал, что сказал и показал нечто, чего не должен был показывать. Не этим людям. Не здесь.

Мужчина выпрямился.

— Меня зовут Александр Григорьевич Можейцев. Профессор НИИ слизи блока ГБК-147.

Я застыл.

Можейцев.

Так звали моего научного руководителя.

Полный тёзка. Даже черты лица были смутно знакомыми, будто передо мной сидела искажённая, постаревшая версия человека из моей жизни.

— Очень приятно, Александр Григорьевич, — сказал я, хотя голос прозвучал неуверенно.

В комнату вернулся второй мужчина в белом халате. В руках он держал толстую папку с красной печатью:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Он бросил её на стол так, что пыль взметнулась в воздух.

Профессор Можейцев осторожно положил смартфон рядом с папкой и открыл её. Бумаги внутри были пожелтевшими, местами затёртыми. На некоторых страницах виднелись схемы,

странные чертежи, таблицы и непонятные обозначения. Я попытался заглянуть, но профессор сразу прикрыл документы ладонью.

Этот жест сказал больше, чем любые слова.

Там было что-то, что мне видеть не полагалось.

Можейцев несколько минут перелистывал страницы. Чем дальше он читал, тем сильнее менялось его лицо. Исчезло любопытство. Исчез тот почти детский восторг, с которым он рассматривал фотографии. На его месте появилось выражение человека, который внезапно понял, что стоит не перед научной загадкой, а перед угрозой.

Наконец он закрыл папку.

— Что ж, молодой человек, — произнёс он медленно, — в свете информации, открывшейся благодаря вам, мы на этом закончим наш диалог.

Он посмотрел на второго сотрудника.

— Его проводят в отдельную комнату. С надёжной гермодверью. И накормят розовым пищ-концентратом. Я распоряжусь.

Я насторожился.

— Подождите. Что значит «закончили»? Что вы нашли в этой папке?

Ответа не последовало.

Мужчины в белых халатах поднялись. Один жестом приказал мне встать. В его движении не было агрессии, но и выбора мне не оставляли.

Я поднялся.

Краем глаза заметил, как Можейцев убирает папку в ящик стола и запирает его маленьким ключом. Потом он задержал руку на замке чуть дольше, чем требовалось. Словно сам не был уверен, что поступает правильно.

Мы снова вышли в коридор.

Здесь было ещё темнее. Лампы горели через одну, и от этого пространство казалось рваным: шаг — свет, шаг — тень, шаг — снова свет. Стены были обшарпаны, местами покрыты чёрными разводами. Из вентиляции тянуло холодом и слабым запахом химии.

Я пытался запомнить повороты.

Левый коридор. Два пролёта. Красная табличка «Сектор санитарной обработки». Потом дверь с облезлой надписью «ГБК-147. Посторонним вход воспрещён».

Но всё сливалось.

Этот комплекс словно специально был устроен так, чтобы человек терял направление уже через несколько минут.

Мой сопровождающий шёл рядом молча. Когда мы остались одни, он чуть повернул голову и тихо сказал:

— Увидимся позже. Возможно, у нас будет ещё один шанс поговорить.

Я хотел спросить, что это значит, но впереди уже открывали дверь.

Меня привели в небольшую комнату.

Первое, что бросилось в глаза, — массивная герметичная дверь. Толстая, металлическая, с круглым запорным механизмом. Такая дверь могла бы выдержать пожар, взрыв или штурм. На внутренней стороне виднелась потёртая инструкция:

ПРИ СИГНАЛЕ САМОСБОРА ЗАКРЫТЬ ДО УПОРА.
НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО РАСПОРЯЖЕНИЯ ЛИКВИДАЦИОННОГО КОРПУСА.
НЕ ПРИСЛУШИВАТЬСЯ.
НЕ ОТВЕЧАТЬ НА СТУК.

Последняя строка заставила меня замереть.

— Почему «не отвечать на стук»? — спросил я.

Сопровождающий промолчал.

Он втолкнул меня внутрь. Дверь закрылась с тяжёлым металлическим звуком.

Комната была скромной: узкое ложе, стол, несколько прикрученных к стене металлических полок. На полках лежали непонятные предметы: фильтры, обмотанные проволокой цилиндры, баночки с мутной жидкостью, старая аптечка. Обои — бумажные, однотонные, выцветшие. Потолок — с облупившейся штукатуркой. Из него свисала лампочка на голом проводе.

Окон не было.

Я уже и не надеялся их увидеть.

Через небольшой люк в двери мне передали упаковку розового пищевого концентрата. Внешне он напоминал плотную пасту, завёрнутую в вощёную бумагу. На упаковке было напечатано:

ПИЩ-КОНЦЕНТРАТ РОЗОВЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ ПИЩЕВЫХ ВЕЩЕСТВ — 60%.

ПРИГОДЕН ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЕЧЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННОГО ПЕРИОДА.

На вкус он оказался пресным, чуть сладковатым и химическим. Похожим на смесь муки, жира и лекарств. Есть можно было, но насыщения он почти не давал. После нескольких кусков во рту остался липкий привкус пластика.

Я сел на кровать.

За стеной слышались голоса. Иногда — шаги. Иногда — далёкий металлический удар, будто где-то закрывали тяжёлую дверь. Разобрать слова не удавалось.

Я пытался думать.

Профессор Можейцев. Чрезвычайная комиссия. Ликвидаторы. Самосбор. Гигахрущ. Герметичные двери. Плакаты с противогазами. Существо в коридоре. Их реакция на фотографии…

Прошли, наверное, сутки. Или меньше. Или больше.

Здесь время теряло форму.

Сон на этой кровати был мучительным. Матрас напоминал мешок, набитый тряпками. Спина болела, шея затекла. Проснувшись, я какое-то время просто лежал, глядя в потолок, и слушал, как лампочка едва слышно гудит над головой.

В комнате был отдельный туалет с раковиной. Вода текла мутная, с ржавым запахом. Я умылся и посмотрел в зеркало.

Лицо было чужим.

Под глазами — тёмные круги. Губа разбита. На скуле синяк. Один зуб раскрошился после допроса, и каждый раз, когда язык касался острого края, меня передёргивало.

Я ещё не успел вытереть лицо, когда в дверь тихо постучали.

Не громко.

И именно поэтому стук показался страшнее.

Я замер.

Вспомнил надпись на двери:

НЕ ОТВЕЧАТЬ НА СТУК.

Дверь аккуратно открыли снаружи.

На пороге стоял тот самый сопровождающий. Лицо серьёзное. В глазах — напряжение.

Он молча жестом пригласил меня выйти.

Я шагнул за порог.

Меня снова привели в знакомый кабинет.

Но теперь за столом сидел не профессор. Там был офицер — тот самый человек, который приходил в изолятор и рассматривал мои вещи. Без противогаза, в аккуратной форме, с усталым лицом и холодным взглядом.

Он указал на стул напротив.

— Садитесь.

Несколько секунд он молчал. Потом сцепил пальцы на столе и сказал:

— Сейчас я попрошу вас ответить настолько честно, насколько вы можете.

Он сделал паузу.

— Вы действительно пришли из-за пределов Гигахруща?

Я кивнул. Уверенности во мне было мало, но я понимал: если начну путаться, это меня убьёт быстрее любого признания.

— Да.

Офицер замер.

Казалось, он ждал этого ответа, но всё равно не был к нему готов.

— Тогда вам стоит знать, — произнёс он, понизив голос, — по официальным данным, внешние территории — миф. Сказки старших поколений. Бред искателей выхода. Все исследования Гигахруща дают один и тот же результат: он бесконечен. В длину. В ширину. В высоту. Вниз — тоже.

Он наклонился ближе.

— Ваше существование бросает вызов всему, на чём держится наш порядок.

Я почувствовал, как пересохло во рту.

— И что теперь?

Офицер посмотрел прямо на меня.

— Сейчас ТАМ — он поднял указательный палец вверх — решается, что с вами делать.

Он говорил ровно, почти буднично.

— Первый вариант — устранить. Второй — передать на эксперименты. Третий — попытаться выудить из вас способ выбраться наружу, ежели таковой есть.

Он постучал пальцем по столу.

— У вас, конечно, есть выбор. Но небольшой. Я ведь вижу: вы рациональный человек. Учёный, если вам верить…

Договорить он не успел.

Дверь резко открылась. В кабинет вошёл вооружённый ликвидатор.

— Товарищ капитан, вас срочно требуют на связь. И посыльный из картотеки пришёл. Посылка лично вам в руки. Под роспись.

Офицер нахмурился.

— Это уже интересно.

Он поднялся и направился к выходу. Перед дверью остановился и посмотрел на меня.

— А вы, Леонид Леонидович, пока подумайте над своим ответом.

Дверь закрылась.

Я остался один.

Минут двадцать я сидел неподвижно, слушая, как где-то за стеной гудит вентиляция. Мысли путались. Что я мог им сказать? Что не знаю выхода? Что сам оказался здесь случайно? Что падал в провал и очнулся в коридоре?

Они не поверят — я повторял это сотни раз в допросной.

А если поверят — это не спасёт.

Дверь снова открылась.

Капитан вошёл уже с папкой в руках. На обложке каллиграфическим почерком было выведено:

ДЕЛО № ГП-743/ЛН-162

Он встал рядом со мной и начал читать.

— Рокашов Леонид Леонидович. Двадцать семь циклов от роду. Около шести циклов назад призван в отряд ликвидаторов для прохождения обязательной службы по устранению

последствий Самосбора. Успешно пережил пять зачисток. Через цикл службы подписал контракт.

Он бросил на стол чёрно-белую фотографию.

Я посмотрел и похолодел.

На снимке был я.

Или человек, выглядевший точно как я.

Коротко стриженный. В рабочем комбинезоне. В одной руке — грабли. В другой — противогаз. Лицо чуть моложе, жёстче, уставшее. Но это было моё лицо.

— Через три семисменки, — продолжил капитан, — был уличён в пособничестве искателям выхода. По данным расследования, передавал документы и чертежи исследованных незаселённых этажей.

Он взглянул на мои руки.

Его взгляд стал внимательнее.

— Умер при проведении допроса.

На стол легла вторая фотография.

Я не сразу понял, что на ней изображено, а как дошло — меня замутило.

Человек, похожий на меня, был привязан к металлическому стулу. Руки изуродованы. Ногтей нет. Лицо разбито так, что черты едва угадывались. Но всё равно это был я.

— Последние слова, — сказал капитан, — были угрозой офицеру Чрезвычайной комиссии Кондрашову Георгию Николаевичу.

В комнату вошёл Можейцев.

В руке у него был пустой шприц.

Он не сказал ни слова. Просто подошёл, задрал мне рукав, перетянул руку жгутом и начал брать кровь из вены.

Я не сопротивлялся.

Не потому, что не хотел.

А потому, что не мог отвести взгляд от фотографии.

Капитан продолжал:

— После подтверждения смерти тело было выставлено в коридоре родного этажа для показательной позорной утилизации предателя. Утилизация произошла через одну семисменку в результате Самосбора.

Папка с хлопком закрылась.

— Знаете, Леонид Леонидович, — капитан сел напротив, — а я ведь почти поверил, что вы действительно из мира за стенами Гигахруща.

Он устало потёр переносицу.

— А теперь выходит, что вы последствие. Ранее нами не встречаемое. Вас будут исследовать.

Я сидел в оцепенении.

В голове проносились невозможные объяснения. Клон. Близнец. Подделка. Галлюцинация. Последствие Самосбора. Безумие.

И одна мысль, за которую сознание зацепилось как за край пропасти.

Я поднял глаза.

— Теория параллельных вселенных? — вырвалось у меня.

В комнате стало тихо.

Очень тихо.

Даже Можейцев замер со шприцем в руке.

Капитан медленно поднял на меня взгляд.

— Повторите, — сказал он. — Дословно.

Глава 3

Глава 3

Дегтярев

Полковник Дегтярев очнулся от боли.

Болело всё: рёбра, позвоночник, плечи, голова. Особенно голова. В висках стучало так, будто кто-то изнутри бил по черепу молотком.

Он лежал на сетчатой кровати — такие раньше ставили в старых казармах. Под ним скрипели пружины. Над ним висел пожелтевший потолок с трещиной, уходящей от угла к центру комнаты.

Дегтярев открыл глаза шире.

Обшарпанная комнатушка. Светло-коричневые бумажные обои. Старый ковёр на стене. Шкаф с облупленной лакировкой. Табурет. На спинке стула аккуратно сложена его форма.

Первой мыслью было: их вытащили из провала.

Второй: это не медсанчасть.

Слишком тесно. Слишком старо. Слишком жилое.

Он попытался подняться. Мир тут же качнулся, в глазах потемнело, а рёбра отозвались резкой болью. Полковник стиснул зубы и опустился обратно.

Дверь скрипнула.

В комнату вошла престарелая женщина. Маленькая, сухая, в старом халате. На лице — усталость человека, который давно перестал удивляться чужим бедам.

— О, очнулся наш ликвидатор, — сказала она. — А я уж думала, всё. Службу очистки придётся звать. Две смены провалялся.

Дегтярев медленно повернул голову.

— Где я?

Голос прозвучал хрипло.

Старушка пододвинула к нему стакан с водой.

— В безопасном месте. Видать, самосбор сильный был. Тебя бросили, наверное, за мёртвого приняли.

— Само… что?

Женщина нахмурилась.

— Самосбор, милок. Совсем память отшибло?

Дегтярев осторожно сел.

— Никакой я не ликвидатор. Я полковник. Дегтярев Владимир Сергеевич.

— Ой, — старушка махнула рукой. — Я-то откуда знаю, как вы там себя кличете. Для нас вы все ликвидаторы.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой.

Дегтярев заставил себя подняться. Каждое движение отдавалось болью, но сознание постепенно прояснялось. Он вспомнил площадку. Георадар. Крик Рокашова. Провал. Падение. Запах сырого мяса.

И то, как зачем-то рванулся спасать парня.

Форма лежала на стуле. Дегтярев оделся медленно, аккуратно, привычным движением застегнул китель. В зеркале на дверце шкафа отразился бледный мужчина с повязкой на лбу, всклокоченными волосами и тёмными кругами под глазами.

Вид был паршивый.

Но живой.

Старушка вернулась с тарелкой супа. Жижа была мутной, белёсой, с жирными кругами на поверхности.

— Надо поесть, силы восстановить.

— Спасибо.

Желудок напомнил о себе, и Дегтярев взял ложку.

Суп оказался почти безвкусным. Жирным, тяжёлым, как вода, в которую бросили кусок сала и размешали муку. Он проглотил несколько ложек и отодвинул тарелку.

— Не лезет, мать. Ты лучше расскажи, как я тут оказался.

Старушка села напротив.

— Сын мой зашёл на этаж после того, как ваши его зачистили. Увидел тебя у двери. Побежал к лифту, хотел ваших остановить, да не успел. Проверил тебя на последствия, потом затащил в хату.

— На последствия чего?

Женщина тяжело вздохнула.

— Ох и сильно же тебе досталось… На заражение слизью. Чёрной или серой. Но слюна у тебя чистая, как у дитёнка. Не переживай.

Дальше она рассказывала. Дегтярев слушал молча.

О Гигахруще. О жилых блоках. О Самосборе. О гермодверях. О ликвидаторах. О пищконцентрате. О том, что выхода нет. Никогда не было. А кто говорит обратное — тот либо безумец, либо искатель выхода, либо уже покойник.

Сначала всё казалось бредом. Потом — чужой мифологией. Потом он понял: женщина не пытается его убедить. Для неё это была обычная жизнь. Такая же естественная, как для него город, небо и дорога до части.

Через четверть часа в комнату вошёл мужчина лет тридцати. Потный, запыхавшийся.

— Всё, мам. Сообщил. Пришлось аж на сотый этаж спуститься. Только там аппарат работал. После сто тридцатого лифт оборвало, назад по лестнице поднимался.

Дегтярев посмотрел на него.

— Кому сообщил?

Мужчина замялся.

— Вашим. В ликвидационный корпус. Они сначала индивидуальный номер спросили, я сказал, что не знаю. Потом описал вас и форму. Уточнили, есть ли погоны, что на них. Я сказал: три металлические звезды. Они ответили, что прибудет ближайший член Чрезвычайной комиссии для разбирательства.

Дегтярев медленно выдохнул.

Чрезвычайная комиссия.

Чекисты.

Слово всплыло из музейных экскурсий и учебников. Из прошлого века. Из истории, которая давно должна была остаться историей.

Но здесь прошлое, похоже, не закончилось.

В дверь постучали.

— Откройте! Ликвидационный корпус!

Мужчина побледнел и бросился к входу.

Дегтярев вышел следом. Кухня была крошечной: старая плита на две конфорки, шкаф с металлическими кружками, круглый столик, две табуретки. В углу — ещё одна сетчатая кровать. Окон не было.

У входа стояла массивная гермодверь с круглым запорным воротом.

Мужчина начал её открывать.

Как только дверь сдвинулась, его сразу уложили на пол.

В квартиру ворвались двое вооружённых людей в чёрных плащах. Один направил автомат на Дегтярева. Второй принялся обыскивать хозяина.

Следом вошёл высокий мужчина в форме, похожей на советскую форму сороковых годов. Он оглядел комнату, затем остановил взгляд на Дегтяреве. Особенно долго смотрел на погоны.

— Итак, — произнёс он, — это вы у нас ликвидатором притворяетесь?

— Я никем не притворяюсь, — ответил Дегтярев. — Эти люди сами сделали выводы.

— Значит, отношения к ликвидационному корпусу не имеете?

Голос был низким, ровным, неприятно спокойным.

— Нет.

Чекист шагнул ближе.

— Тогда объясните, как вы оказались здесь. И почему на вас это подобие офицерской формы.

Дегтярев промолчал.

Он уже понял из рассказа старушки: говорить о внешнем мире нельзя. Здесь таких людей называли искателями выхода. А искателей не лечили и не отпускали, их уничтожали.

Автоматчик подошёл ближе и поднял ствол ему в лицо.

— Я бы не советовал так делать, — тихо сказал Дегтярев.

Чекист усмехнулся.

— У вас десять секунд.

Старушка тихо всхлипнула у стены.

— Один.

Дегтярев оценил расстояние.

Автомат. Ремень. Карабин крепления. Положение пальца на спуске. Второй ликвидатор у хозяина квартиры. Чекист тянется к кобуре, но пока не достаёт.

— Два.

Дыхание стало ровным.

— Три.

Время сузилось до нескольких мгновений.

— Четы—

Дегтярев сделал ход первым.

Он схватил ствол автомата, резко дёрнул в сторону и на себя. Выстрел оглушил кухню. Выхлопные газы из дула обожгли руку, пуля ушла в стену. Ликвидатор потерял равновесие, ремень сорвался с карабина, и оружие оказалось у Дегтярева.

Чекист начал выхватывать наган, но не смог вовремя расстегнуть кобуру.

Полковник ударил его ногой в грудь.

Тот отлетел назад, ударился о дверь и рухнул на пол.

Дегтярев перехватил автомат, большим пальцем перевёл огонь на одиночный. Третий ликвидатор, прижимавший к полу хозяина, не успел даже поднять голову.

Выстрел.

Пуля вошла в грудь.

Человек в чёрном плаще рухнул замертво.

На кухне стало тяжело дышать от порохового дыма, страха и чужого хриплого дыхания.

Дегтярев шагнул к чекисту.

За гермодверью уже слышались крики и быстрые шаги.

Подмога?

Но в этот момент в коридоре завыла сирена.

Сначала тихо, потом громче, потом так, что стены задрожали.

Старушка побледнела.

— Самосбор…

Дегтярев посмотрел на неё.

— Сколько времени?

— Обычно три минуты. Иногда меньше.

Он перевёл взгляд на чекиста.

Тот тоже понял.

Впервые за всё время на его лице появилась не злость, не презрение, а страх.

— Вставай, — кинул Дегтярев чекисту.

Чекист медленно поднялся на ноги, держась за рёбра и хмуро глядя на Дегтярева. Он понял, что сопротивляться было бесполезно, и сейчас перед ним стояла задача — как-то спастись. Впервые в его жизни кто-то оказал ему сопротивление.

— Ты и он. Труп с собой. За дверь.

Ликвидатор, оставшийся живым, смотрел на него с ужасом. Чекист открыл рот, но Дегтярев лишь чуть поднял ствол.

— Быстро.

* * *

Как только гермодверь захлопнулась, сотрудник Чрезвычайной комиссии и ликвидатор сорвались с места и принялись судорожно колотить кулаками в соседние двери.

— Откройте! Откройте ликвидационному корпусу!

Голос чекиста сорвался на визг. В нём уже не было ни приказа, ни власти, ни привычной уверенности. Только страх. Голый, животный, липкий страх.

С минуты на минуту должен был начаться Самосбор.

Уйти с этажа они уже не успевали. Да и куда уходить? Обычно Самосбор захватывал не только коридоры, но и лестничные пролёты. Иногда — лифтовые шахты. Иногда — всё, до чего мог дотянуться.

— Пожалуйста… откройте!

Он ударил по двери снова. Потом ещё. Кулаки уже болели, но он продолжал стучать.

Тот, кто привык стоять выше остальных. Тот, кто решал чужие судьбы одним словом. Тот, кто вместо долгих разбирательств предпочитал просто устранять проблему, теперь захлёбывался в собственном крике и молил о помощи тех, кого ещё час назад мог бы без колебаний отправить на допрос и к стенке.

Слёзы выступили сами собой.

И в этот момент в нос ударил запах сырого мяса.

Тяжёлый, густой — такой сильный, что чекист невольно зажал нос рукой и поморщился.

В красном свете аварийных ламп коридор казался ненастоящим. Стены будто стали ближе. Тени дрожали, словно живые. А с дальнего конца этажа полз фиолетовый туман.

Он двигался слишком ровно, будто был живым.

Чекист рванул в противоположную сторону.

И остановился.

Оттуда тоже надвигалась фиолетовая дымка.

Тонкая, почти прозрачная. Но с каждой секундой она становилась гуще и темнее.

— Нет… — прошептал он. — Нет, нет, нет…

Туман добрался до тела ликвидатора, которого они бросили у гермодвери.

Сначала ничего не произошло.

Потом форма на теле зашевелилась, будто под ней вспухала вода. Ткань потемнела. Кожа на открытой шее пошла пузырями. Лицо, до этого неподвижное, исказилось.

И ликвидатор закричал.

Живой.

Он всё это время был жив.

Крик ударил по коридору так, что чекист вжался спиной в дверь. Ликвидатор дёргался, пытался отползти, но туман уже накрыл его ноги. Ботинки размякали. Штанины оседали. Тело медленно проседало, будто его опускали в кислоту.

Фиолетовая мгла поднималась выше. Сначала до пояса. Потом к груди. Ликвидатор захрипел, захлебнулся собственным воплем, забился слабее.

Его крик становился всё тише. Сначала это был вой. Потом хрип. Потом тонкий, влажный писк. Потом — ничего.

Чекист не мог отвести взгляд.

Он стоял, парализованный ужасом, и смотрел, как исчезает человек, которого он сам только что бросил умирать.

Сердце колотилось так сильно, что боль отдавала в горло. Воздуха не хватало. Ноги дрожали.

И вдруг память услужливо вытащила из глубины совсем другое лицо.

Искатель.

Тот самый, которого они когда-то выловили среди ликвидаторов. Худой, избитый, связанный. Он тогда ещё пытался что-то говорить про выход, про нижние этажи.

Чекист тогда смеялся, а его подчинённый вырывал искателю ногти.

А тот, захлёбываясь болью, всё равно кричал одно и то же:

«Тебя проглотит Самосбор. И страдать ты будешь вечно».

Чекист сглотнул.

Фиолетовый туман уже касался его сапог.

Он медленно опустил взгляд.

— Тебя проглотит Самосбор… — прошептал он чужими словами. — И страдать ты будешь вечно.

Туман поднялся к его ногам, и он наконец закричал.

Дегтярев

Полковник стоял по другую сторону гермодвери и слушал. Сначала истошные крики, мольбы и проклятия.

Потом только тишину, в которой всё ещё будто продолжали звучать чужие голоса.

Дегтярёв не двигался, он смотрел на массивную дверь, за которой только что умерли люди, и впервые по-настоящему понял: всё это реально — Самосбор, Ликвидаторы, Партия.

До этого момента в нём ещё оставались сомнения. Упрямая часть сознания пыталась объяснить происходящее бредом, контузией, галлюцинацией, экспериментом, чем угодно.

Но после того, что он услышал за дверью, сомнения исчезли — этот мир был настоящим.

Щелчок затвора за спиной заставил его мгновенно обернуться: у стены стоял сын старушки.

Тот самый, что ещё недавно лежал лицом в пол, не смея поднять головы. Теперь он держал автомат, направив ствол на Дегтярёва.

Держал неумело, пальцы дрожали, плечи были подняты, лицо перекошено страхом.

— Т-тебя зря спасли, — выдавил он. — Теперь нас… теперь нас всех прибьют. За пособничество тебе.

Дегтярёв внимательно посмотрел на него.

Не на лицо: на руки, на стойку, на палец у спускового крючка, на флажок предохранителя.

Автомат был на предохранителе.

Полковник сделал один спокойный шаг вперёд.

— Не подходи! — сорвался тот.

Дегтярёв шагнул ещё раз.

И в следующую секунду резко выбил ствол в сторону, перехватил цевьё, выкрутил оружие из дрожащих рук и оттолкнул мужчину плечом к стене.

Всё заняло меньше секунды.

Сын старушки охнул и замер.

Дегтярёв держал уже два автомата.

— А теперь успокойся, — сказал он тихо, но так, что спорить не хотелось. — Быстро.

Мужчина молчал.

— Если всё, что вы рассказали про Самосбор, правда, от них там и следа не останется. Никто ничего не узнает. Нет тела — нет дела.

Он снял магазин с одного автомата и убрал его в глубокий карман брюк. Затем подобрал ремень с кобурой. Внутри лежал чистый, почти новый наган. Слишком ухоженный для этого места.

Дегтярёв повесил ремень себе на пояс.

На полу рядом валялись подсумок с противогазом и сумка с плащом химзащиты. Он забрал и их.

Старуха всё это время сидела в углу, прижимая к груди ладони. В её глазах не было ненависти. Только страх и усталость.

Дегтярёв посмотрел на неё и неожиданно почувствовал короткий укол жалости.

Добрая. Чуткая. Напуганная до смерти, но всё равно не выгнала его.

На какой-то миг, в самом начале, ему даже показалось, что он снова приехал к своей бабушке…

И всё же от неё на лице появилась слабая, почти незаметная улыбка.

По рассказам старухи и её сына, Самосбор заканчивался тогда, когда стихали сирены. Примерно через полчаса после этого приходили ликвидаторы — зачищать последствия.

Именно в этот промежуток Дегтярёв должен был уйти.

Сначала — через лестничную клетку.

Потом — к первому работающему лифту.

Риск был огромный. Можно было наткнуться на жильцов, постовых, ликвидаторов, кого угодно.

Самосбор длился долго, час, может, больше.

Сирены выли так, что зубы начинали болеть. Потом звук стал ниже. Глуше. Словно сам гигахрущь устал кричать.

И наконец всё стихло.

Дегтярёв надел противогаз, на всякий случай. После Самосбора, как ему сказали, мог оставаться газ. Какой именно — никто не знал, так как обычно он смертелен.

Он подошёл к двери.

— Когда выйду, заприте за мной, — приказал он.

Сын старушки кивнул.

— И не открывайте никому.

— Мы и не собирались…

Дегтярёв посмотрел на старуху.

— Спасибо.

Она ничего не ответила. Только перекрестилась странным местным жестом — двумя пальцами по горлу и ладонью по груди.

Полковник повернул штурвал гермодвери. Металл скрипнул.

Дверь открылась…

* * *

Смена бывает суточной (24 часа) и рабочей (8 часов). Суточная делится на первую рабочую (с 6:00 до 14:00), вторую рабочую (с 14:00 до 22:00) и ночную (с 22:00 до 06:00).

Семисменка. Включает семь суточных смен.

Квартал. Делится на бытовой (30–31 суточная смена) и отчётный (90 суточных смен). Бытовые кварталы официально исчисляются порядковыми номерами от 1 до 12, но в разговорной речи их нередко именуют по праздникам, которые в них проводятся (например: «Октябрьский квартал» (07/11) или «квартал Краснознаменский» (06/09)).

Цикл. Включает 360 суточных и 5 праздничных смен.

* * *

Коммунистическая Партия Гигахрущ (КПГХ) — полумифическая структура, которая якобы руководствует всеми аспектами жизни в Гигастроении. По слухам, во главе Партии стоит некий Центральный Комитет (ЦК), принимающий решения о судьбах бесконечного множества людей. Однако достоверной информации, позволяющей подтвердить или опровергнуть существование ЦК, не существует.

Никто не знает, как и откуда появилась КПГХ, кто был её основателем. Предполагается, что Партия существовала ещё в дохрущёвские времена или же с первых смен существования Гигахрущёвки. Партия надзирает над работой заводов пищевых концентратов, снабжающих жителей Гигахрущ этими концентратами, а также для защиты граждан отправляет в секторы и на этажи отряды Ликвидаторов, борющихся с последствиями Самосбора.

Глава 4

Глава 4

Первый шаг за гермодверь, и взгляд сразу зацепился за чёрную бурлящую массу посреди коридора.

Она пульсировала, будто живая. Внутри лениво вздувались пузыри, лопались с влажным чавканьем и выпускали тонкие струйки пара. В вязкой жиже ещё угадывались остатки формы, размякший ремень, кусок бронепластины.

Видимо, это всё, что осталось от ликвидатора.

Дегтярёв не стал задерживаться.

Рывок вправо — к аварийной лестнице.

Он двигался быстро, но осторожно, обходя сгустки слизи, пятна на полу и подозрительные лужи, в которых отражался красный аварийный свет. После Самосбора коридор выглядел так, будто его разобрали, перемололи и собрали обратно с чужими деталями.

Стены блестели от влаги.

Лампы мигали.

Воздух за фильтрами противогаза был тяжёлым, с привкусом ржавчины и сырого мяса.

Ближе к концу коридора он увидел существо.

Высокое. Почти до потолка.

Оно стояло посреди прохода, слегка покачиваясь. Огромное брюхо свисало бесформенным мешком. Длинные руки почти касались пола. Вытянутое лицо заканчивалось пастью, полной узких длинных зубов.

Дегтярёв вскинул автомат.

Существо не отреагировало.

Полковник прищурился и заметил.

Глаза твари были абсолютно белыми, будто затянутыми молочной плёнкой.

— Слепая, — тихо прошептал про себя Дегтярев.

На месте ушей висели неровные куски кожи.

Возможно, ещё и глухая — уже в голове констатировал факт полковник.

У ног существа лежало серое нечто. Оно медленно расползалось по полу и методично покрывало ступни твари, поднимаясь выше, к голеням. Существо не пыталось отойти. Не сопротивлялось. Даже не замечало.

Или уже не могло.

Дегтярёв решил не выяснять.

Он прижался к стене и начал обходить монстра.

Медленно, очень медленно.

Тишина в коридоре стала ощущаемой. Каждый вдох в противогазе звучал слишком громко. Каждый шаг отдавался в висках. Палец лежал рядом со спуском, но Владимир понимал: если тварь бросится, выстрел может и не помочь.

Шаг, затем ещё один.

Существо стояло неподвижно.

Серая масса у его ног тихо чавкала.

Дегтярёв прошёл мимо.

Ещё шаг.

Ещё.

И когда монстр остался за спиной, полковник сорвался на бег.

До аварийной лестницы оставалось несколько метров. Он дёрнул ручку.

Дверь не поддалась.

Он дёрнул ещё раз.

Заперто.

— Твою мать… — прошептал Владимир.

Перед ним была обычная металлическая дверь. Не гермодверь. Не бронированный шлюз. Простая служебная дверь с замком.

Он посмотрел на автомат.

Потом — на замочную скважину.

Такой трюк он много раз видел в фильмах. В реальности — ни разу не пробовал.

Но времени выбирать способ не было.

Дегтярёв направил ствол в замок и выстрелил.

Грохот ударил по коридору так, что в ушах зазвенело даже сквозь противогаз. Металл лязгнул. Где-то позади дрогнуло существо.

Полковник толкнул дверь плечом.

Та послушно открылась.

— Ха, — коротко выдохнул он. — Сработало.

За дверью вниз уходила тёмная лестничная клетка. Сырая, узкая, пахнущая плесенью и холодным бетоном.

Дегтярёв оглянулся.

Чёрная слизь продолжала пузыриться у гермодвери. Серая масса всё выше поднималась по ногам слепой твари. Красные аварийные лампы мигали всё реже.

Где-то далеко, за стенами, начал нарастать низкий гул лифта.

Дегтярев начал спуск по лестнице вниз.

Он спускался, спускался и спускался — но конца лестницы так и не увидел.

Ни нижнего этажа. Ни технического выхода.

Ни хотя бы таблички, которая могла бы объяснить, где он находится.

Только бетонные пролёты, ржавые перила, редкие тусклые лампы и одинаковые площадки, повторяющиеся с такой издевательской точностью, будто кто-то намеренно копировал один и тот же фрагмент старой хрущевки.

Неужели здание и правда бесконечно?

Ноги гудели. Плечи ломило от оружия. Горло пересохло. Он давно уже перестал считать этажи, потому что цифры начали путаться, возвращаться назад и иногда повторяться.

Но останавливаться он не собирался.

Дегтярёв медленно шел, опираясь рукой о стену.

— Вниз, значит вниз, — хрипло сказал он сам себе.

Минут через двадцать он замер.

Тишина вокруг стала другой.

Не просто отсутствие звука — а плотное, настороженное молчание, будто вся лестничная клетка вдруг задержала дыхание вместе с ним.

Стены были студёные и влажные. На них блестели тонкие дорожки конденсата. Трещины в бетоне тянулись вниз, словно чёрные жилы. Каждый шаг отдавался глухим эхом, и эхо это возвращалось слишком поздно, будто проходило через огромное пустое пространство.

Дегтярёв прищурился, всматриваясь в тени.

Словно там мог скрываться ответ.

Но был только бетон.

Каждая трещина в нём казалась следом чужой жизни. Чужого страха. Чужого ожидания. Он вдруг поймал себя на мысли, что начинает различать в этих трещинах лица. Его передёрнуло.

Каждый шаг давался всё тяжелее.

Не из-за усталости, а из-за ощущения, что он не просто спускается по лестнице, а то, что он добровольно спускается в ад.

Но потом лестница изменилась.

На очередной площадке было окно — настоящее окно!

Не вентиляционная решётка. Не мутное стеклоблоковое отверстие. А обычное старое окно с облупившейся рамой, слегка приоткрытое наружу.

Рядом с ним стоял мужчина примерно его возраста, спиной к Дегтярёву, — было видно, что он курил.

Дым тонкой струёй уходил в щель окна и растворялся в белёсой мгле за стеклом.

Полковник замер. Мужчина не обернулся.

Дегтярёв медленно подошёл ближе.

— Сигаретки не найдётся?

Незнакомец будто только этого и ждал. Не говоря ни слова, он достал из кармана картонную пачку. Внутри оставалось пять папирос с бумажным фильтром.

Дегтярёв приподнял бровь, но промолчал.

Взял одну и одним привычным движением достал из кармана старую зажигалку «Zippo» и прикурил.

Первая затяжка обожгла горло. Горько.

Сигаретный дым лениво завился в воздухе. Дегтярёв выпустил его медленно, почти с наслаждением, и посмотрел на незнакомца.

Силуэт казался безликим, чужим. И в то же время до странного знакомым.

Будто они не встретились случайно.

Будто эта лестничная клетка, это окно, этот холодный дым — всё уже было когда-то. Или должно было быть.

Мужчина повернул голову. И Владимир обомлел.

Он смотрел в своё собственное лицо.

Не точно такое же — нет. Чуть другое. Усталое. Постаревшее. С другими морщинами, другим взглядом, другой прожитой жизнью, но это был он.

Тот самый Владимир Сергеевич Дегтярёв, который родился не под открытым небом, а здесь, в Гигахруще. Который с детства знал звук сирен, запах Самосбора, тяжесть гермодверей и правила, которые не обсуждаются.

И стоило встретиться с ним глазами, как голову полковника будто начало разрывать изнутри.

Воспоминания хлынули сразу.

Детство в тесной квартире.

Мать, закрывающая гермодверь на штурвал. Очереди за пищевым концентратом. Первые сирены. Первый Самосбор. Сосед, не успевший добежать до двери. Школа с портретами партийных героев. Обязательные построения. Страх нижних этажей. Ненависть к лифтам, которые иногда приезжали не туда.

Работа. Обыденность, ставшая тюрьмой.

Целая жизнь пронеслась за секунду.

Дегтярёв пошатнулся и ухватился за подоконник.

Незнакомец смотрел на него спокойно.

— Ты здесь не один такой, — сказал он наконец. — Мы все связаны этим местом.

Голос был его собственным, но звучал чужим.

— Оно забирает, — продолжил двойник. — Но не отпускает.

Холод прошёл по спине.

— Кто ты? — выдавил Дегтярёв.

Незнакомец слабо усмехнулся.

— Ты уже знаешь.

После этих слов он начал исчезать.

Не вспыхнул. Не рассыпался. Не растворился эффектно, как в бреду. Просто стал менее плотным. Как дым. Как отражение в грязном стекле. Ещё мгновение — и Дегтярёв остался один.

Перед окном, с папиросой в руке, он посмотрел вниз. За окном не было ни двора, ни улицы, ни неба.

Только густой белый туман.

Он докурил папиросу до фильтра, сидя на подоконнике.

Значит, был настоящий — папироса ведь осталась.

Дегтярёв снова посмотрел в туман. Тот поглощал все звуки вокруг, делая лестницу ещё более мёртвой.

И только теперь Владимир по-настоящему испугался.

Не Самосбора, не тварей.

Себя.

Потому что больше не понимал, кто он.

Полковник Владимир Дегтярёв, который волей случая отучился на военной кафедре, потом долгие годы служил, выполнял приказы, воевал и выжил там, где выживать было нельзя?

Или другой Владимир Дегтярёв, родившийся в Гигахруще, проживший всю жизнь среди гермодверей, сирен, пайков и страха перед фиолетовым туманом?

Докурив, Дегтярёв раздавил окурок о подоконник и поднялся.

Спускаться дальше он не стал.

Он вошёл в жилой блок.

Коридор был длинным, низким и тускло освещённым. По обе стороны тянулись квартиры с тяжёлыми гермодверями. Краска на стенах облупилась, таблички с номерами потемнели, на полу лежала старая дорожка, протёртая до основы.

И всё же Дегтярёв шёл уверенно — он знал, куда идти.

У третьей двери слева на него уставились соседские дети. Худые, бледные, с осторожными глазами тех, кто слишком рано понял, что громкий смех в коридоре может быть опасен.

— Дядя Вова, — спросила девчонка лет пятнадцати, — а вы что, в ликвидаторы подались?

Дегтярёв посмотрел на неё — имя всплыло само.

Оля.

Соседская девчонка, курит с подружками в технической кладовке и думает, что взрослые не знают.

— Да, Оль, — сказал он. — Завтра ухожу. Только никому не говори. А то матери скажу, что вы в техничке курите.

Девчонка тут же побледнела, кивнула и быстро скрылась за дверью. Владимир знал, что боится она мать как огня.

Дегтярёв проводил её взглядом.

Память продолжала подсовывать детали.

Слишком точно.

Слишком живо.

Он подошёл к нужной двери. Тяжёлой, с ржавым налётом вокруг штурвала. Повернул замок.

Дверь открылась.

В квартире царила полутьма.

Единственная слабая лампочка на столе едва разгоняла мрак. В воздухе стоял запах затхлости, пыли, старой ткани и чего-то жареного, въевшегося в стены за много лет.

Телевизор был включён.

На экране мелькали серые лица дикторов, плакаты, производственные хроники и лозунги.

«Сделаем норму пяти циклов за один! Только общим трудом мы сможем противостоять заразе Самосбора!»

Дегтярёв подошёл ближе.

Зернистое изображение дрожало. Голос диктора звучал бодро, фальшиво и до боли знакомо.

И снова вспыхнуло воспоминание.

Он маленький, сидит на полу, смотрит на такой же экран. Мать говорит: не подходить близко — глаза испортишь. Отец молчит у стола, курит и слушает новости о новых достижениях ликвидационного корпуса.

Дегтярёв резко отвернулся.

Снял китель.

Аккуратно сложил вещи.

Движения были машинальными, будто тело делало это сотни раз.

С верхней полки он достал два брикета белого пищевого концентрата. Нарезал кубиками. Бросил на сковороду. Включил плиту.

Концентрат начал поджариваться, выделяя слабый, чуть сладковатый запах.

Квартира постепенно наполнялась теплом.

Дегтярёв стоял у плиты и вдруг осознал, что знает, как именно нужно обжаривать этот концентрат. Сколько ждать. Когда перевернуть. Когда снять, чтобы не стал резиновым.

Он выключил плиту, переложил кубики в тарелку и пошёл к дивану.

Под ногами скрипнул выцветший ковёр.

На столике лежали старые газеты. Заголовки были привычными и бессмысленными:

«Герои, что пожертвовали жизнями в борьбе с последствиями, всегда в нашей памяти»

«Нижние этажи под контролем партии»

«Слухи о наружности — вражеская провокация»

Он сел на потёртый диван и закрыл глаза.

На короткое мгновение квартира стала убежищем.

Местом, где можно не бежать. Не стрелять. Не принимать решений. Просто сидеть в полутьме, слушать бубнёж телевизора и делать вид, что мир снаружи не существует.

Но мысль всё равно вернулась.

— И что теперь делать? — выдохнул Владимир.

Квартира молчала.

Она была не домом.

Скорее зеркалом.

Пыльным, треснувшим, но всё ещё отражающим его самого.

Или того, кто был им до него.

Эта квартира теперь его?

Или всегда была его?

Голова гудела от воспоминаний. Своих. Чужих. Общих. Они переплелись в один ком — тяжёлый, вязкий, чёрный, как слизь после Самосбора.

Дегтярёв чертыхнулся, поднялся и пошёл в душевую.

Вода была едва тёплая и пахла железом.

Он быстро ополоснулся, вернулся в комнату и лёг на диван.

Сон накрыл почти сразу.

Но это был не отдых.

Это был провал.

* * *

Колонна шла на запад.

Замыкающим шёл БТР капитана Дегтярёва.

Впереди визжали гусеницы. В воздухе висел чад солярки. Солдаты сидели на броне, уставшие, измазанные грязью, злые от бессонницы.

Капитан Дегтярёв хмуро оглядывал колонну.

Каждый километр отступления отзывался свинцовой тяжестью в груди. Приказ был прост: держаться до последнего. Но этот приказ отдали давно, когда слова ещё имели вес.

Теперь остались только безнадёга и долг.

Довести живых до линии обороны.

В шлемофоне зазвучал голос старшины:

— Товарищ капитан, привал нужен. У МТЛБ такими темпами скоро гуслю вырвет.

Дегтярёв поморщился.

Он тоже хотел привал. Хотел лечь прямо на броню и провалиться хотя бы в десять минут сна. Хотел, чтобы всё это закончилось.

Но каждый миг приближал врага, что догонял.

Он посмотрел на солдат на броне впереди идущей машины. Молодые лица. Испуганные глаза. У кого-то ещё даже щетина толком не росла.

Он не имел права их подвести.

— Старшина, пятнадцать минут на перекур и ремонт гусли. Не успеешь — пересаживай людей, распределяй по остальной технике, МТЛБ бросаем. Дальше двигаемся без задерж…

Он не договорил.

Взрыв разорвал тишину.

Земля ушла из-под ног. Осколки брызнули во все стороны. Где-то сразу закричали.

— К бою! — успел скомандовать Дегтярёв.

Но было поздно.

Артиллерия накрыла колонну.

Мир превратился в огонь, грязь, металл и крики. Взрывы били один за другим. Техника горела. Людей сбрасывало с брони. Кто-то полз без руки. Кто-то звал мать. Кто-то молча испускал последнее дыхание.

Капитан Дегтярёв видел, как гибнут его солдаты.

И понимал: это конец.

Осколок неожиданно ударил в грудь.

Боль была такой сильной, что на мгновение исчезли все звуки.

Он упал с брони на землю.

В глазах темнело. Жизнь уходила быстро, рывками, вместе с горячей кровью под бронежилетом.

Последнее, что он увидел, было небо.

Серое.

Свинцовое.

«Вот-вот пойдёт дождь», — пронеслось у него в голове перед тем как вырубиться.

А потом пришла тишина.

Та самая, которой он так долго ждал.

Но самые страшные мгновения были не там, не на поле боя.

Самое страшное началось позже.

В белой тишине госпиталей.

Там, где раны заживали слишком медленно, а время текло слишком быстро. Где врачи в белых халатах терпеливо и хладнокровно собирали его по кускам. Где каждый вдох был победой, а каждый сон возвращал обратно в колонну.

* * *

Дегтярёв проснулся резко.

Подскочил с дивана, хватая воздух ртом.

Весь в холодном поту.

Несколько секунд он не понимал, где находится. Потом увидел телевизор. Стол. Тарелку с недоеденным концентратом. Тяжёлую гермодверь.

Гигахрущ…

Но теперь в голове стало яснее.

Он понял, кто он.

Не тот Владимир, что всю жизнь прожил в бесконечном доме и боялся каждой сирены.

Не тот, кто был замкнут в круговороте обыденности, пайков, приказов и гермодверей, и контрафакта.

Он — полковник Дегтярёв.

Тот, кто выжил в аду не меньшем, чем Самосбор.

Но и второй Владимир не исчез.

Он остался внутри.

Его страхи. Его знания. Его маршруты. Его память.

И это было не проклятие.

Это был ресурс.

Информация.

Спасибо тому Владимиру, который исчез неизвестно как и неизвестно куда. Его воспоминания могли помочь найти выход.

Дегтярёв сел на край дивана и провёл ладонью по лицу.

— Нужно сваливать на нижние этажи, — пробормотал он.

Кабинет члена Чрезвычайной комиссии КПГХ Беляева С. В.

Сергей Васильевич Беляев сидел за столом и изучал старые документы.

Третья чашка дефицитного кофейного порошка остывала рядом. В пепельнице дымилась вторая папироса. Кабинет был погружён в полумрак, и только настольная лампа выхватывала из темноты стопку пожелтевших папок с красными печатями:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Беляев был в строгом костюме, воротник тщательно выглажен, галстук затянут чуть сильнее, чем нужно. Он выглядел собранным, но усталость уже выдавала себя в глазах.

Доступ к этим документам дался нелегко.

Пришлось несколько раз звонить наверх. Долго объяснять. Ждать. Снова объяснять. И каждый раз рисковать разозлить людей, чьи имена лучше не произносить даже в пустом кабинете.

Но оно того стоило.

Происшествие с Рокашовым оказалось не единственным.

Около пятидесяти циклов назад уже был похожий случай.

Того человека тогда признали последователем секты бога Самосбора. В деле отмечалось: «внешний вид не соответствует социальной норме». Беляев достал из папки фотокарточку.

Мужчина в роскошной рясе с золотыми выкройками. На груди — крест. Взгляд спокойный, почти счастливый.

Под фотографией была прикреплена выписка из протокола:

«Такова воля Божия».

Беляев медленно выдохнул дым.

— Замечательно, — пробормотал он. — Просто замечательно.

Стук в дверь отвлёк его от размышлений.

— Войдите.

В кабинет вошёл дежурный ликвидатор.

— Сергей Васильевич, к вам ещё один посыльный из картотеки. И ещё… прапорщик третьей группы нашего гигаблока сообщает, что подполковник ЧК-КПГХ Георгий Кондрашов погиб.

Беляев поднял глаза.

— Посыльного пусти, а… стой. Что ты сказал?

— Подполковник Кондрашов погиб, — повторил дежурный. Теперь уже тише, с растерянностью и плохо скрытой тревогой. — Во время проверки одного из жилых этажей. Причины проверки уточняются. По предварительным данным, там произошёл Самосбор, а подполковник и его подчинённые оказались вне гермодверей. Также у жителей одной из квартир был найден один «Ералаш» базовой комплектации. Без обоймы.

Беляев почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

Гибель высокопоставленного офицера ЧК-КПГХ не сулила ничего хорошего никому.

Особенно тому, кто окажется достаточно близко к расследованию.

Кондрашов был человеком неприятным. Брал взятки, скрывал информацию, давил свидетелей, подчищал отчёты. Из-за его действий уже погиб человек, проходивший объектом расследования.

Но наверху его ценили.

А это значило, что разбираться придётся очень аккуратно.

Беляев опустил взгляд на документы Рокашова и вспомнил строку из старого протокола.

— Тебя проглотит Самосбор, и страдать ты будешь вечно, — тихо процитировал он.

Дежурный не понял, к чему это, и промолчал.

Беляев поднялся.

— Попросите посыльного подождать в приёмной.

Он надел пиджак.

— У нас много работы. Встретьте меня у выхода в казармы через двадцать минут.

Дежурный кивнул.

Беляев быстро набросал порядок действий — у себя в голове.

Если жильцы сознательно не впустили ликвидаторов и сотрудника комиссии…

Беляев на секунду задержал взгляд на двери.

«Залить этаж бетоном?»

Мысль была дикой.

Но в этом мире дикие решения слишком часто становились служебной практикой.

Он вышел из кабинета.

В коридоре сотрудники кивали ему, не задавая вопросов. Напряжение, исходившее от Беляева, чувствовалось сразу.

Разобравшись с посыльным, он направился на этаж, где располагались казармы ликвидаторов.

Ликвидаторы построились перед ним быстро, почти без шума.

Люди в тяжёлых костюмах, с усталыми лицами и привычкой не смотреть начальству в глаза дольше положенного. Беляев прошёл вдоль строя, внимательно оценивая каждого.

Ему нужно было понять, кто был на месте событий.

Кто видел последствия Самосбора.

Кто нашёл оружие.

Взгляд остановился на прапорщике.

— Вы докладывали о найденном «Ералаше»?

— Так точно.

— Номер квартиры.

Прапорщик назвал.

— Жильцы?

— Старуха и её сын. Сын сейчас, по словам соседей, работает на заводе. Старуха была дома.

— Оружие где обнаружено?

— В квартире. Без обоймы. Если бы не диспетчер, что сообщил о том, что с этого этажа пришла информация о ликвидаторе без сознания, то и не подумали бы заходить в ячейку. Затем выяснилось, что в эту же ячейку отбыл Кондрашев с лейтенантом Мирзоевым и ефрейтором Цепляевым. На самом Ералаше следов применения нами не выявлено, но требуется экспертиза.

Беляев коротко кивнул.

— Вы и сержант — со мной.

Через несколько минут они уже ехали в лифте.

Сергей молчал, глядя на тусклые цифры этажей. Если всё это связано с Рокашовым, значит, проблема шире, чем он думал. Если появился ещё один человек, такой же?

Беляев остановился перед гермодверью нужной квартиры и постучал ровно два раза.

Крепко.

Уверенно.

За дверью послышались медленные шаги. Щёлкнул замок. Дверь приоткрылась, и в щель выглянул ликвидатор, которого оставили наблюдать за квартирой. За столом на кухне сидела бледная старушка.

Беляев предъявил удостоверение, и ликвидатор вытянулся в струнку. Сергей прошёл к старушке.

— Извините за беспокойство. Нам нужно задать несколько вопросов. Это связано с тем, что было найдено в вашей жил-ячейке.

Старушка привстала, прижимая руки к груди.

— Где ваш сын?

Она заметно поёжилась.

— На работе он. У них на заводе тоже не всё гладко. Вызвали срочно на дополнительную смену, с ним один из ваших отправился.

— Понятно.

Беляев осмотрел комнату.

Бедно. Тесно. Чисто, насколько возможно. Запах лекарств, старой ткани и дешёвого концентрата. Ничего необычного — если не считать найденного автомата и гибели подполковника за дверью.

— А теперь расскажите, как у вас в квартире оказался автомат Ералашникова?

Старушка нервно всплеснула руками.

— Я не знаю, как так получилось. Может, ещё покойный дед нашёл где-то и принёс домой. Мы честные люди. Ни в чём плохом не участвуем.

Она опустила взгляд.

Беляев посмотрел на неё несколько секунд.

Потом сказал:

— Обыскать.

Ликвидаторы сразу принялись за дело. Методично. Без лишней жестокости, но и без деликатности. Открывали шкафы, вытряхивали бельё, заглядывали под матрас, в ящики, за трубы.

Один из них заглянул под кровать в спальне и замер.

— Товарищ Беляев.

Он вытащил из-под кровати документы.

— Военный билет. Паспорт.

Беляев протянул руку.

— Что тут у нас?

Он раскрыл паспорт.

Дегтярёв Владимир Сергеевич.

Сергей перелистнул страницы.

«Место регистрации: город Санкт-Петербург»

Беляев нахмурился, потом открыл военный билет.

Приписка заставила его задержать взгляд:

Должность: «Командир Батальона Охраны и Разведки», части № ******

Звание: Полковник ВС РФ

Старушка тяжело вздохнула и села на край кровати. Лицо её постарело сразу на несколько лет. Она поняла, что тайна раскрыта и сопротивляться бессмысленно.

— Сын мой нашёл человека, — сказала она дрожащим голосом. — По виду из ваших. Форма со звёздами. Не знаю, что с ним случилось. Сразу после Самосбора, как только ликвидаторы ушли, он лежал перед нашей дверью. Лёшенька проверил его на последствия, затащил, раздел, перебинтовал…

— Где он сейчас? — перебил Беляев.

Голос его оставался спокойным, но внутри уже нарастало тревожное возбуждение.

— Я не знаю. Ушёл он.

— Когда?

— После того как сын мой доложил, что найден ликвидатор со звёздами. Потом пришёл человек в плаще и с ним двое ваших. Они угрожали сыну. Даже пристрелить хотели. А этот найденыш… он всех повалил. Одного пристрелил. Остальных заставил вместе с трупом выйти в Самосбор.

В комнате стало тихо.

Беляев смотрел на старушку и понимал: ситуация гораздо хуже, чем ожидалось.

Рокашов — это одно.

Рокашов казался учёным. Растерянным, напуганным, в целом безобидным — насколько вообще может быть безобиден человек, появившийся вопреки всем законам Гигахруща.

Но Дегтярёв…

Если документы настоящие, если старуха не лжёт, если он действительно справился с двумя бойцами и сотрудником ЧК-КПГХ, то это уже не объект наблюдения.

Это угроза.

Обученная.

Вооружённая.

Мотивированная.

И не понимающая местных правил.

— Куда он ушёл? — спросил Беляев.

— Не знаю я. Говорю же, не знаю. Он такие глупые вопросы задавал, что его за ребёнка принять можно было. А как Самосбор за дверью затих — сразу вылетел в коридор.

Беляев задумался.

Если рассуждать логически, человек вроде Рокашева мог принять только одно решение.

Спускаться.

— Значит, вниз, — пробормотал Сергей.

Его взгляд снова остановился на паспорте.

Дегтярёв Владимир Сергеевич.

Полковник.

Беляев вышел из квартиры, оставив ликвидаторов продолжать обыск. В коридоре он дал короткие распоряжения сержанту:

— Установить наблюдение за квартирой. Сына доставить на допрос. Без шума. Старуху пока не трогать. Все находки — в протокол. Документы Дегтярёва — ко мне. И ещё: пройдитесь по личным делам всех, я повторяю, ВСЕХ зарегистрированных жильцов Гигаблока с фамилией Дегтярев.

— Есть.

Сергей направился к лифту.

Внутри кабины, пока двери закрывались, он думал о том, как мало времени у него осталось.

Если Дегтярёв действительно ушёл на нижние уровни, что если он смог найти лазейку через забетонированные минус сороковые, — то там его могли найти кто угодно: Искатели, Сектанты, Самосборщики, Чернобожники.

И кто знает, что ему успеют внушить. Что он услышит. Кому поверит. Какие выводы сделает человек, который только что понял, что оказался в бесконечном лабиринте.

Беляев сжал документы в руке.

— Только не это, — тихо сказал он.

Лифт пошёл вниз.

Автомат Ералашникова

Глава 5

Глава 5
Рокашов

Утро наступило внезапно.

Яркий свет лампы над головой проникал, казалось, в каждую клеточку моего тела. Я почти физически ощущал его присутствие — липкое, навязчивое, неотступное. Вкус концентрата на губах стал частью меня, будто я уже никогда не смогу избавиться от этого привкуса.

Все это время персонал лаборатории оставался вежливым, но равнодушным. Их лица были отстранёнными, как у роботов, выполняющих рутинные действия. Вопросы звучали монотонно, ответы записывались в планшеты с механической точностью. В их движениях не было ни тепла, ни сочувствия.

Время словно остановилось.

Серые стены давили на меня, будто пытались окончательно заточить в этой безликой комнате. Я мечтал о свободе: о свежем воздухе, запахах, ветре. О чем угодно, кроме стерильного света, концентрата и чужих взглядов.

Учёные обещали, что результаты анализов будут скоро. Но это «скоро» растянулось в бесконечность. Я чувствовал себя не человеком, а набором данных — очередной загадкой, которую им требовалось разгадать.

В какой-то момент гермодверь распахнулась, выдернув меня из раздумий. В комнату вошёл профессор Можайцев.

— Как вы себя чувствуете? — он слегка улыбнулся и поправил небольшие очки на переносице. — У меня для вас хорошие новости, Леонид. Мы полностью убедились в том, что вы не являетесь последствием самосбора.

В его голосе слышались почти задорные нотки.

— Ну, я лично это и так знал, — не удержавшись, съязвил я.

— Понимаю ваше раздражение, — ответил профессор, не потеряв благожелательности. — Но и вы должны понять нас. Каждое необычное явление, каждое отклонение от нормы представляет угрозу — и для нас, и для обычных людей.

— Понимаю. Так что дальше, профессор?

— А дальше мы с вами отправимся в основной блок НИИ. Официально там будут продолжаться исследования, но, кроме того, вы будете помогать мне. Ваши знания могут оказаться полезными для моих научных трудов.

Можайцев принялся копаться в своём кожаном, потрёпанном портфеле.

— Я уже получил все сопутствующие разрешения. За эти несколько смен вы зарекомендовали себя как полностью адекватный молодой человек. Благодаря моей рекомендации вам позволили перейти в основной блок. Я надеюсь, что знания из вашего слоя реальности помогут нам продвинуть некоторые исследования.

На лице профессора появилась улыбка.

— Надеюсь, они связаны с тем, как свалить отсюда.

— И с этим тоже, Леонид, — серьёзно проговорил Можайцев.

Нам предстояло пройти через длинный светлый коридор. Стены были выкрашены в нейтральный белый цвет, а пол покрывала блестящая линолеумная дорожка, отражавшая свет потолочных ламп.

Вскоре мы подошли к массивным дверям, за которыми находился основной блок НИИ. Охранник в униформе окинул меня подозрительным взглядом, но не сказал ни слова, позволив Можайцеву самостоятельно ввести код доступа на панели, скрытой в стене.

— Основной блок — это сердце нашего института, — начал Можайцев, когда двери открылись. — Здесь проводят ключевые исследования и разрабатывают новые способы противодействия последствиям самосбора. Именно эти разработки делают Гигахрущ безопаснее.

Он громко вдохнул.

— Леонид, — тихо произнёс профессор, положив руку мне на плечо, — я надеюсь, что вы найдёте здесь своё место. Ваши качества и опыт могут стать мостом к новым достижениям. Мы нуждаемся в людях, готовых смело шагать вперёд и открывать неизведанное. Добро пожаловать в семью Института, где каждая смена — это новый шаг к лучшему будущему.

В его словах я не почувствовал ни капли искренности. Мне словно зачитали старую советскую брошюру.

М-да. Не успел я выбраться из ряда подопытных, как меня сразу начали агитировать.

Я кивнул, будто соглашаясь с его пафосной речью, но внутри оставался настороже. Каждый мой шаг в этом лабиринте научных достижений и бюрократических структур был нацелен только на одно: найти выход из этого грёбаного Гигахруща.

Мы шли по коридорам всё того же нейтрального цвета и периодически проходили мимо массивных гермодверей. В какой-то момент Можайцев остановился возле одной из них, ввёл код, и мы вошли.

— Здесь мы и будем работать.

Мы оказались в огромном кабинете, где пахло как в больнице: антисептиком, пылью и чем-то металлическим. Профессор указал ладонью на моё рабочее место, а сам с невиданной проворностью прошёл к стеллажу с большими папками. Взяв одну из них, он протянул её мне.

— Вот, ознакомьтесь. Это все мои наработки за последние шесть циклов.

Я открыл папку и начал пролистывать страницы, заполненные сложными формулами, схемами и техническими описаниями. На первый взгляд, материалы были посвящены изучению и устранению последствий самосбора — явления, о котором я знал немного. Только то, что смог вытянуть из Можайцева, так же в отдельном файле лежал листок:

Выписка из внутреннего справочника НИИ «Слизи»

Раздел: классификация проявлений Самосбора

Доступ: служебный

Примечание: самостоятельный контакт с образцами запрещён.

НИИ «Слизи» является сетью научно-исследовательских подразделений, размещённых на различных этажах Гигахруща. Точное количество действующих филиалов не установлено. Часть из них официально числится закрытыми, однако сообщения ликвидаторов и гражданских лиц указывают на возможное продолжение работы отдельных объектов.

Основной задачей института заявлено изучение последствий Самосбора, включая классификацию слизевых образований, разработку методов их нейтрализации и создание средств защиты.

Общие сведения:

Слизь относится к наиболее стабильным проявлениям Самосбора. Вне зависимости от цвета и консистенции, любой образец следует считать потенциально смертельным.

Перед зачисткой рекомендуется термическая обработка напалмом. После выгорания активных свойств остатки слизи допускается убирать стандартными средствами, при условии сохранения полной защиты.

Нарушение протокола приводит к дисциплинарной ответственности, мутациям, гибели или иным последствиям, в зависимости от разновидности слизи.

Пока я изучал документы, профессор, заметив мой интерес, продолжал говорить. Он с энтузиазмом рассказывал о последних достижениях института, о том, как их труды помогают

поддерживать стабильность в Гигахруще. Он явно предвкушал мой будущий вклад в это общее дело и старался заинтриговать меня.

Но вместо интереса в голове возникал только один вопрос:

на кой ляд меня сюда затащили?

В очередной раз перелистнув страницу, я наткнулся на раздел, где описывались эксперименты. Предчувствие меня не обмануло: между листами были вклеены чёрно-белые фотокарточки.

На одной из них был изображён человек, привязанный к кушетке. Рядом стоял врач в халате и медицинской маске. Он выливал на руки испытуемого чёрную слизь.

Профессор тем временем продолжал пылко рассказывать что-то о новых исследовательских технологиях, но его слова уже не доходили до меня. Они отражались от стен пустым эхом. Мой мозг был полностью поглощён увиденным.

Я поднял глаза на Можайцева. Он заметил моё внезапное замешательство. На секунду в его глазах мелькнуло нечто похожее на настороженность. Может быть, даже волнение. Но почти сразу это выражение сменилось привычной профессиональной маской.

— Это всего лишь часть наших исследований, — произнёс профессор с деланным спокойствием, сделав шаг в мою сторону. — Понимаю, что это может показаться шокирующим, но всё проводится в строгом соответствии с этическими нормами. Не беспокойтесь, вам ничего подобного не предстоит. Ваши навыки нужны для совсем иных задач.

Я сделал вид, что принял объяснение, и начал листать дальше. Но теперь всё чаще натыкался на фотокарточки с экспериментами.

На очередной из них был изображён мужчина в возрасте. На его лбу виднелось что-то вроде чёрного пятна.

— А это чернобожники, — спокойно проговорил профессор, неожиданно оказавшийся рядом. — Сектанты. Они обитают на нижних этажах Гигахруща. Они уже не люди.

Голос Можайцева был ровным и безэмоциональным.

Я закрыл папку, обдумывая его слова. Профессор кивнул в сторону выхода и сообщил, что наше знакомство с его работой на сегодня ещё не завершено. Я последовал за ним.

Через несколько минут мы оказались в другой лаборатории. Это была маленькая комната со столом и стеной из полностью тонированного стекла. Можайцев подошёл к выключателю.

— Среди бесконечных бетонных коридоров Гигахруща таится множество опасностей, — начал он. — Кровожадные мутанты, пространственные и временные аномалии, ядовитая слизь, заразная плесень… Да и такие банальные вещи, как голод, болезни и насилие, легко могут оборвать чью-то жизнь. Но наряду с угрозами телу существуют и другие — зачастую куда более опасные и коварные. Те, что поражают разум.

Щелчок.

Стекло стало прозрачным.

За ним я увидел комнату с мягкими стенами, как в психиатрической больнице. Внутри сидела девушка лет тридцати. На её лбу было такое же чёрное пятно, как у мужчины на фотокарточке.

Но сильнее всего меня зацепили глаза.

Они были полностью чёрными.

— Это Одиннадцатая, — сказал Можайцев с ноткой гордости. — Её способности пока не до конца изучены, но уже ясно: они выходят за рамки человеческих возможностей. Ей абсолютно не вредит слизь, хотя считается, что она смертельна для любого живого существа.

Профессор тяжело вздохнул.

— К огромному сожалению, она крайне агрессивна. Как и остальные, подвергшиеся влиянию культа.

Пока он говорил, я не мог оторвать взгляда от её глаз. Казалось, они смотрят не на меня, а сквозь меня. Прямо в душу.

Вопросы роились в голове, но я не находил ни одного, который осмелился бы задать вслух.

— Вы начнёте завтра, — сказал Можайцев, возвращаясь к деловому тону. — Нужно подготовиться и глубже ознакомиться с материалами. Сегодня вы увидели многое, но это лишь малая часть нашей работы. Уверен, вас ждёт немало открытий.

Я покинул лабораторию в полном замешательстве.

Весь вечер мои мысли возвращались к Одиннадцатой. Слишком многое казалось непонятным. Слишком многое — настораживающим. И что-то внутри подсказывало: я оказался на пороге выбора, последствия которого ещё не мог осознать.

Слегка сладковатый концентрат уже не вызывал отвращения. Мне даже выдали небольшую тетрадку с рецептами. Оказывается, его можно было жарить, варить или тушить. Вкус менялся не сильно, но всё-таки становился немного лучше.

На следующее утро я уже был на ногах и пытался собрать мысли воедино перед новой встречей с профессором Можайцевым.

Осознание того, что в институте проводят эксперименты на грани морали, беспокоило меня. Они ставят опыты на людях — пусть и утверждают, что те уже не являются людьми. Возможно, для меня, человека из другой реальности, это казалось диким и неприемлемым. Но для них, похоже, было нормой.

Что ж.

Если я хочу вернуться домой, придётся им подыграть.

Когда я переступил порог кабинета, профессор встретил меня с видом почти дружелюбного наставника. Он раскрыл новую серию документов, где подробно разбирались механизмы воздействия чёрной слизи и связи между участниками культа.

Вкратце объяснив суть изменений в структуре их разума, Можайцев показал на диаграммы и схемы, раскладывая всё по полочкам. Его слова были рассчитаны на то, чтобы выстроить мост между нашими знаниями. Но с каждой минутой мне всё сильнее казалось, что этот мост ведёт туда, откуда уже не возвращаются.

По мере того как профессор рассказывал, я ловил себя на мысли, что перестаю замечать окружающее. Слова Можайцева были похожи на гипнотическую завесу. Он говорил о комплексных связях, возникающих между членами культа и мутантами, о том, как чёрная слизь открывает для них неизведанные способности.

Я пытался уловить логику их трансформации, но чем внимательнее прислушивался, тем абсурднее казалась мысль, что я действительно хоть что-то понимаю.

Когда его речь подошла к концу, я краем глаза заметил на столе маленький динамик. Впрочем, особого внимания не обратил.

Можайцев откинулся в кресле и посмотрел на меня с любопытством. Его взгляд будто сверлил меня насквозь. Он словно жаждал увидеть, как я восприму услышанное.

В голове всплывали противоречивые мысли: страх перед моральной пропастью, в которую меня могут завести, и страх навсегда застрять в этом бетонном лабиринте.

Что же делать?

Я почувствовал, как на лбу проступает холодный пот. Слова профессора звучали убедительно, даже завораживающе, но за этой обманчивой красотой скрывалась бездна.

Я понимал: мои личные убеждения под угрозой. Любое неверное решение может привести к необратимым последствиям. Но отступить сейчас означало потерять шанс вернуться домой. А эта мысль была невыносимой.

Я сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках.

— Я понимаю, профессор. Я готов продолжить изучение этих материалов. Мне нужно больше времени, чтобы всё обдумать и задать интересующие меня вопросы, — произнёс я, стараясь сохранить ровный тон.

Я знал, что это лишь временная отсрочка. Но она давала возможность выиграть время и попытаться найти выход из этой ситуации.

Можайцев улыбнулся так, будто ожидал именно такой реакции.

— Отлично. Я рад, что вы настроены продолжать. У вас будет достаточно времени, чтобы ознакомиться с материалами и задать вопросы. Надеюсь, вы сможете предложить свои идеи.

Он протянул мне папку с новыми документами. Приняв её, я почувствовал, как на плечи ложится тяжесть ответственности.

— Но подождите, — сказал я. — Как именно эти исследования в области физиологии и психологии чернобожников помогут мне вернуться в мою изначальную реальность?

Я не стал тянуть кота за причинное место и задал вопрос прямо.

Можайцев на мгновение замер, словно обдумывая ответ. В его глазах промелькнула тень, но тут же исчезла, сменившись профессиональным спокойствием.

— Это сложный вопрос, требующий комплексного ответа, — начал он, тщательно подбирая слова. — Ваше возвращение домой напрямую связано с пониманием механизмов взаимодействия между нашим миром и тем, откуда вы пришли. Чёрная слизь, культ и мутанты — лишь элементы одной большой системы. Изучая их, мы получаем ключи к пониманию этой системы, а самое главное, возможно, мы раскроем причины возникновения Самосбора!

Он выдержал паузу.

— Представьте, что наша реальность — это сложный пазл. Каждый кусочек — отдельное явление. Чтобы сложить картину целиком, нужно понять, как эти кусочки взаимодействуют друг с другом. А вы, как человек со знаниями из другой реальности, можете нам в этом помочь.

— Но я же геолог! — не выдержал я. — Я изучаю состав, строение, происхождение и развитие земной коры и Земли в целом, а не всю вот эту вот слизь или что вы тут изучаете!

— Именно поэтому вы нам и нужны. Ваши знания о строении мира — пусть и другого — позволяют взглянуть на наши исследования под иным углом. Мы предполагаем, что принципы, лежащие в основе мироздания, схожи, если не идентичны. Ваши познания, как вы сказали, в геологии могут помочь нам понять структуру и природу чёрной слизи, её связь с культом и мутациями. Возможно, вы обнаружите закономерности, которые ускользают от нас из-за узкой специализации.

Он немного наклонился вперёд, а я уже думал, какой бред он несет.

— Кроме того, нам нужна ваша помощь в анализе предметов, связанных с культом. Они содержат информацию, закодированную в геометрических формах и символах. Некоторые из этих структур, возможно, могут быть знакомы вам. Ваши знания могут оказаться бесценными для расшифровки. Именно через понимание этих данных мы сможем открыть проход в вашу реальность.

Его слова звучали откровенно бредово.

Но выбора у меня не было.

— Хорошо, профессор. Я готов сотрудничать. Но хочу, чтобы вы были честны со мной. Если мои исследования зайдут в тупик или если вы решите, что я больше не нужен, я хочу знать об этом заранее. И ещё: я хочу видеть результаты своей работы. Я не хочу быть просто инструментом в ваших руках. Я должен понимать, к чему мы движемся и какой ценой достигаем целей.

Можайцев улыбнулся. В этой улыбке я увидел не только профессиональный интерес, но и проблеск чего-то ещё. Чего-то, что не смог сразу определить.

Облегчение?

Торжество?

— Разумеется, — сказал он. — Полная прозрачность — основа нашего сотрудничества. Вы будете в курсе всех открытий и разработок. И, конечно, если ваши услуги окажутся невостребованными, мы незамедлительно вас уведомим. Но, смею заверить, ваши знания уникальны. Я уверен, они будут востребованы до самого конца.

Он протянул мне руку.

Я поколебался лишь мгновение, а затем пожал её. Рука Можайцева была сухой и прохладной. Это только укрепило ощущение, что я ввязался во что-то, о чём ещё пожалею.

Но пути назад не было.

— Тогда приступим, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, хотя внутри бушевал шторм сомнений и тревоги. — С чего начнём? Посмотрим на вашу чёрную слизь? Или сразу перейдём к испытуемым?

Можайцев кивнул, довольный моим согласием.

— Изучение слизи — фундаментальный этап. Без понимания её свойств и структуры мы не сможем понять ни культ, ни мутантов. У нас есть несколько образцов, которые мы можем исследовать вместе. Я покажу вам текущие данные, а вы поделитесь своими знаниями. Возможно, в вашем мире есть что-то подобное.

Выдержки из документов НИИ:

Чернобожники — совокупное название большинства сектантов и культистов, в великом множестве населяющих Гигахрущ.

Первое, что следует понять: это не самоназвание. Культисты вполне могут именовать себя «Свидетелями Самосбора», «Сыновьями Чернобога», «Орденом Слизи» — кто на что горазд. Более того, они далеко не всегда поклоняются именно Чернобогу. Объектом почитания может быть сам Самосбор, особо крупное и хтоничное его порождение, по какой-то причине не сожравшее собственных последователей, или даже пресловутый Технотуалет.

Почему же их всё равно упорно продолжают называть чернобожниками?

Видите ли, чаще всего с культистами сталкиваются два вида граждан: ликвидаторы и мирные жители.

Первые в такие моменты обычно слишком заняты уничтожением общественно опасных элементов и не расположены вступать в богословские дискуссии.

Вторые же, если им всё-таки доводится узнать о религии сектантов чуть больше, нередко сами пополняют их ряды.

Коричневая слизь

Обладает крайне сильным и неприятным запахом. По этой причине её уборка считается одной из самых отвратительных процедур среди ликвидаторов.

Иных выраженных аномальных свойств у данной разновидности не зафиксировано. Тем не менее контакт без защитного снаряжения всё равно не рекомендуется.

Зелёная слизь

Отличается высокой едкостью.

Она способна растворять большинство органических соединений, включая ткани, кожу, плоть и отдельные элементы стандартных костюмов ликвидаторов. При длительном контакте может нарушать герметичность защитного снаряжения.

На неорганические материалы зелёная слизь, как правило, не действует.

Белая слизь

Оказывает выраженное психотропное воздействие.

При визуальном или физическом контакте у человека возникает навязчивое желание обмазаться ею полностью, пока слизь не покроет всё тело. В отдельных случаях пострадавшие также пытаются залить её во все доступные естественные отверстия.

При достаточной силе воли, подготовке и устойчивости к ментальному воздействию эти импульсы можно игнорировать, однако длительное пребывание рядом с белой слизью крайне не рекомендуется.

Красная слизь

Отличается высокой вязкостью и липкостью.

До тех пор, пока она не потеряет свои свойства, выбраться из неё практически невозможно. Попавший в красную слизь объект или человек оказывается надёжно зафиксирован на месте.

Особую опасность представляет сочетание красной слизи с другими аномальными факторами: мутантами, плесенью, перепадами температуры или нестабильными участками пространства.

Чёрная слизь

Считается одной из наиболее опасных разновидностей.

Она способна образовывать полуразумных монстров. На поверхности таких существ часто появляются белые пузыри, выполняющие функцию глаз или сенсорных органов.

Сами по себе порождения чёрной слизи, как правило, не способны повредить костюм ликвидатора любой стандартной модификации. Однако они могут проникать под защитное снаряжение через мельчайшие зазоры, повреждения, плохо зафиксированные соединения или нештатные разгерметизации. Именно это делает контакт с ними особенно опасным.

Голубая слизь

Фактически является прозрачной, однако обладает равномерным синим свечением, из-за чего и получила своё название. Данная разновидность радиоактивна. Рекомендуется не приближаться к её скоплениям до тех пор, пока свечение полностью не прекратится. Исчезновение свечения обычно свидетельствует о снижении уровня опасности, но не гарантирует полной безопасности.

После угасания свечения участок всё равно подлежит проверке дозиметрами и последующей обработке.

Серебристая слизь

Сведения о серебристой слизи фрагментарны и противоречивы.

В открытых инструкциях ликвидаторов она упоминается редко, а большинство отчётов о контактах с ней либо засекречены, либо признаны недостоверными. По неподтверждённым данным, серебристая слизь способна имитировать структуру окружающих материалов и временно принимать свойства поверхностей, с которыми соприкасается.

Некоторые ликвидаторы утверждают, что серебристая слизь «ведёт себя так, будто наблюдает». Официального подтверждения этим сообщениям нет.

При обнаружении серебристой слизи рекомендуется немедленно покинуть зону контакта, обозначить участок и передать сведения в ближайший филиал НИИ «Слизи».

Глава 6

Кабинет члена Чрезвычайной комиссии КПГХ Беляева С. В.

Беляев сидел над папкой личного дела №458: Дегтерев Владимир Сергеевич. Уже четыре смены подряд — ни следа этого человека.

Простой рабочий производственного цеха завода по производству гермодверей. Дегтерев. Тихий, незаметный человек. Тридцать циклов отпахал на заводе. Ни выговоров, ни поощрений. Просто винтик в огромном механизме.

Но вот его двойник, пришедший из другой реальности… Это опасный индивидуум, способный перевернуть его гигаблок с ног на уши.

Фотография в личном деле: блеклый снимок мужчины средних лет, с усталым взглядом и чуть заметной улыбкой.

— Вот ты какой, Володя, — пробормотал Беляев, словно обращаясь к давно знакомому человеку.

А в голове уже рисовался образ Дегтерева-двойника, каким его описывали немногочисленные свидетели: уверенный взгляд, поставленная речь. И если судить по тому, что он уложил двоих ликвидаторов и одного сотрудника Чрезвычайной комиссии, то у него есть хорошая боевая подготовка — и реальный боевой опыт.

От того места, где он появился, до того, где живёт его здешнее воплощение, — всего двести четыре этажа.

А что случится, если они встретятся?

Беляев откинулся на спинку кресла, потёр переносицу. С одной стороны — пропасть. С другой — ничтожное расстояние, которое этот Дегтерев-двойник каким-то образом сумел преодолеть, избегая патрулей.

В голове вертелись возможные сценарии. Что будет, если два Дегтерева встретятся? Аннигиляция? Парадокс? Или просто отражение в кривом зеркале?

Думать можно много, но раздумьями его не найти.

Беляев отодвинул папку. Пора действовать, а не гадать на гуще из концентрата. Он набрал номер своего заместителя.

— Хмуров, у меня для тебя задание. Дегтерев Владимир Сергеевич, личное дело №458, возьми в картотеке. Найди его. Хоть с минусовых мне его достань.

В трубке послышалось короткое «Будет сделано», и Беляев положил трубку. Теперь оставалось ждать и надеяться, что Хмуров не наступит на те же грабли, что и Кондрашов.

В дверь постучали. На пороге стоял секретарь с папкой.

— Сергей Викторович, срочный отчёт из транспортного отдела. Обнаружена несанкционированная активность в системе грузовых лифтов. Сектор D-7.

Беляев нахмурился.

Сектор D-7… Именно там находится завод гермодверей.

Совпадение?

Беляев выхватил папку из рук секретаря, небрежно бросив «Спасибо». Пробежав глазами по отчёту, он почувствовал, как внутри нарастает напряжение. Несанкционированная активность, выражаясь простым языком, означала взлом системы. И взлом произошёл именно в том секторе, где работает здешний Дегтерев.

Слишком много совпадений для простого стечения обстоятельств.

— Чёрт, — прошептал Беляев, барабаня пальцами по столу.

Он понимал: времени на раздумья больше нет. Дегтерев-двойник что-то задумал? Его действия связаны с заводом? Но что именно? Саботаж? Диверсия? Или что-то ещё более зловещее?

Надеюсь, просто поломка.

Он снова схватил телефон и набрал номер Хмурова.

— Хмуров, меняй задание. Немедленно направляйся в сектор D-7, на завод гермодверей. Там может быть жарко. И да, возьми с собой всех свободных оперативников. Это операция по задержанию.

Беляев не любил подобные ситуации, когда приходится действовать вслепую, основываясь лишь на косвенных уликах и интуиции. Но сейчас времени на сбор полной картины не было. Дегтерев-двойник, судя по всему, перешёл к активным действиям.

Медлить было нельзя.

В голове промелькнула мысль о простых рабочих. О тех самых винтиках, которые ежедневно трудились на заводе, не подозревая о надвигающейся угрозе. Если Дегтерев-двойник задумал что-то масштабное, под удар могли попасть невинные люди.

Эта мысль заставила Беляева вздрогнуть.

Он вызвал секретаря и приказал оповестить службу безопасности завода о возможной угрозе и усилить охрану периметра.

Время шло мучительно медленно. Каждая минута тянулась вечностью. Беляев сидел как на иголках, ожидая новостей от Хмурова. Он понимал: от действий его заместителя сейчас зависит многое.

Звонок телефона заставил его вздрогнуть.

— Слушаю! — произнёс чекист.

— Товарищ капитан, подозреваемый задержан. Филатов Евгений. Вскрыл систему безопасности лифта, чтобы перевести неопознанный груз. Предположительно — партия гермодверей.

Беляев выдохнул с облегчением.

Филатов Евгений. Не Дегтерев.

Контрафакт. Не диверсия.

Но напряжение не спадало.

— Что за груз? Ты уверен, что там именно гермодвери? — резко спросил Беляев, не давая Хмурову передышки.

— Не знаю, товарищ капитан. Что же ещё можно вывозить с этого завода? Сейчас досматриваем лифт, — ответил Хмуров с лёгкой смешинкой в голосе.

— Хмуров, нарываешься на дисциплинарку! — пригрозил чекист.

— Понял, не дурак. Но всё упрятано в контейнерах. Будем ожидать специалистов.

— Хорошо. Держи в курсе, — ровным тоном произнёс чекист.

Значит, Дегтерев, как и предполагалось, направился вниз. Но все этажи, которые можно было обыскать, уже проверены. Из гигаблока он не выходил. Значит ли это, что он нашёл путь через забетонированные минус сороковые?

Но он же такой же человек, как Рокашов. Пришедший из другой реальности.

В голове Беляева зароились сомнения. Может быть, он переоценил опасность? Поддался паранойе? Вдруг Дегтерев уже коньки отбросил? Там, в коридоре, после самосбора…

Но интуиция, отточенная циклами службы, подсказывала: не мог такой человек так легко сгинуть.

Не успел Беляев погрузиться в размышления, как телефон снова зазвонил. На этот раз звонил Хмуров.

В его голосе слышалось неприкрытое изумление.

— Товарищ капитан, тут такое… В общем, в контейнерах… не гермодвери. А… слизь. Чёрная, серая, серо-буро-малиновая и… мутанты. Много мелких тварей.

— Мутанты?! — переспросил Беляев, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Опиши.

— Товарищ капитан, я таких никогда не видел. Что-то вроде бетоноеда. С зубами — словно иголки. И… с руками. Они все живые, в этой слизи копошатся. Их там много.

Беляев молчал, пытаясь осмыслить услышанное.

Мутанты. Слизь. Завод гермодверей.

Всё это не складывалось в единую картину. Но одно было ясно: дело гораздо серьёзнее, чем он предполагал. И Дегтерев тут уже ни при чём.

— Хмуров, — скомандовал Беляев, — немедленно оцепите этаж. Никого не подпускать. Вызывайте специалистов из отдела «Д» и команду зачистки. И будьте предельно осторожны — неизвестно, на что способны эти твари.

То, что мы пресекли это сейчас, — хорошо. К облегчению, это никак не связано с Дегтеревым.

* * *

Дегтярев

Буквально два часа назад по лестнице топали ликвидаторы. Судя по обрывкам команд и лязгу снаряжения, искали именно Владимира. Ему повезло схорониться в техническом помещении — узкой бетонной кишке между трубами, щитками и ржавыми вентилями.

Если бы в этот момент начался самосбор, до убежища он бы уже не успел. Ведь техническое помещение — не жилая ячейка. Не капсула. Не укрытие. Просто тесная коробка, где человек может спрятаться от патруля, но не от того, что приходит вместе с сиреной и запахом сырого мяса.

Владимир тогда стоял, вжавшись спиной в холодную стену, и слушал, как за дверью проходят тяжёлые шаги.

Один.

Второй.

Третий.

Голоса были приглушёнными, но отдельные слова всё равно пробивались через металл:

— …ориентировка свежая…

— …ликвидаторская снаряга при нём…

— …приказ брать живым, если получится…

Последняя фраза понравилась Владимиру меньше всего.

«Если получится» в этом мире, похоже, означало примерно то же самое, что и «можно стрелять, если дёрнется». Он уже успел понять местные формулировки. Здесь вообще любили говорить мягко о вещах, после которых людей соскребали с пола.

Он простоял так почти двадцать минут. Ноги затекли, пальцы ныли от напряжения, а ладонь намертво сжалась на рукояти «Ералаша». Один раз кто-то остановился прямо у двери. Владимир даже задержал дыхание.

За дверью щёлкнул фонарь.

Потом ликвидатор сплюнул и пошёл дальше.

Только когда шаги окончательно растворились где-то выше, Владимир позволил себе медленно выдохнуть.

Дегтярев прикрыл глаза, стараясь унять дрожь.

Полковник вышел из технического помещения и сел на лестничной площадке минус сорок второго этажа, прислонившись спиной к стене. Дальше по этой лестнице идти было некуда — когда-то нижние этажи забетонировали, потому что не смогли справиться с последствиями самосбора.

Но даже у бетона есть слабые места.

Спекулянты и прочие криминальные личности сумели проделать лаз через метровые толщи пенобетона, чтобы провозить контрабанду из других гигаблоков. Здешний Владимир

занимался этим — причём весьма удачно. Потерь при перевозке контрафакта хватало, но талоны на дефицитные товары, по мнению местных, того стоили.

Пальцы полковника судорожно сжимали рукоять «Ералаша». Он не знал, поможет ли это оружие против того, что ждёт его внизу, но всё, что у него было, — трофейный автомат и наган на поясе.

Дегтярев глубоко вдохнул, натянул противогаз, собрался с духом и двинулся.

Откинув хорошо замаскированную под бетон фанеру, он полез в небольшой тоннель — примерно в половину человеческого роста. Около пятнадцати минут он пробирался в раскорячку, пока наконец не выбрался на минус сорок пятом этаже.

Каждый шаг отдавался эхом в тишине заброшенных коридоров.

Внизу было холодно и сыро. Запах плесени и гнили въелся в стены. Дегтярев рефлекторно поморщился. Фонарик, чудом найденный в кармане рюкзака химзащиты, выхватывал из мрака обрывки стен, покорёженные трубы и ржавые гермодвери.

Каждый шорох заставлял его вздрагивать. «Ералаш» поднимался сам собой, готовый выстрелить в любую тень.

Он продвигался медленно, осторожно, стараясь не издавать лишнего шума. В одном из коридоров наткнулся на странные следы — не человеческие, но и не звериные. Нечто среднее. С когтями и перепонками.

Сердце бешено заколотилось.

Здесь действительно обитали твари.

Внезапно впереди, в конце коридора, мелькнула тень.

Дегтярев замер, прижавшись к стене. Тень двигалась быстро и почти бесшумно. Он прицелился, затаив дыхание.

Тень приблизилась.

Фигура была сгорбленной, чем-то отдалённо напоминающей человека. Существо издало хриплый звук, похожий на рычание.

Дегтярев рефлекторно выпустил короткую очередь.

Звуки выстрелов прокатились по коридору. Уши заложило от хлопков огнестрела.

Существо уже лежало замертво в дальнем конце коридора. Владимир понимал: сейчас сюда сбегутся другие твари. Но вместо топота и скрежета когтей по бетону, которых он так ждал, раздался человеческий голос.

— Какой придурок пал…

Голос резко умолк, не договорив фразу.

Из-за угла коридора, что должен был вести к лестнице, появились лучи фонарей.

Владимир быстро смекнул: ребята явно дилетанты. Либо бандюги, либо спекулянты. От встречи и с теми, и с другими ничего хорошего ждать не стоило. Звуки неаккуратных шагов в его сторону тоже намекали, что перед ним далеко не профессионалы.

Поэтому Дегтярев тихо зашёл за первую приоткрытую гермодверь и стал ждать, направив ствол в дверной проём.

Шаги приближались. Уже было слышно, как они перешёптываются.

— Слышь, а если это ликвидаторы? — тихо сказал один. Голос был молодой. Видимо, он первым и кричал.

— Будь это они, мы бы тут уже не базарили, а пошли бы на концентрат. Я — на белый, ты — на красный. Ты моложе, значит, и вкуснее, хе-хе, — подколол его тот, кто постарше.

— Да ну, байки это всё. Они его из плесени делают. Мне дед рассказывал, — ответил молодой.

— Цыть. Этот залётный может быть ещё тут.

Когда старший это сказал, они как раз проходили мимо двери, за которой спрятался Дегтярев.

Мужики прошли ещё два шага.

Полковник одним движением вышел из-за двери и упёр дуло «Ералаша» в затылок тому, кто шёл чуть позади.

— Пушки на пол. И без резких движений, а то мозги по стенам разлетятся, — громко проговорил Дегтярев.

У молодого, которому как раз посчастливилось оказаться заложником, пушка мгновенно упала на бетон, издав характерный металлический стук. Старший лишь остановился, но поворачиваться или бросать обрез не спешил.

— Слышь, мужик. Не знаю, кто ты такой, но давай просто поговорим?

— Бросишь ружьё — будет разговор. Если нет — его смерть на твоей совести.

После этих слов стало слышно, как молодой начал шмыгать носом. Всё его тело затряслось.

— Хорошо. Ты только молодого не губи, — сказал старший и откинул обрез подальше.

— И ты, прежде чем повернуться, тоже оттолкнёшь пушку в сторону, хорошо? — уже мягче сказал Владимир.

Молодой кивнул и пнул свой обрез к стене. После этого оба мужчины медленно повернулись.

Увидев, что они без противогазов, полковник быстро стянул свой.

Но когда в тусклом свете фонаря мужики разглядели лицо полковника, старший из них набрался гонора и заговорил на повышенных тонах:

— Вова! Ты охренел?! Какого самосбора ты в нас из «Ералаша» тычешь?! Совсем крыша поехала? Я чуть в панталоны не нагадил — думал, залётный какой!

Молодой заметно расслабился, но двигаться всё ещё не решался.

— Так, мужик. Я не особо понимаю, откуда ты меня знаешь. Напомни? — немного растерянно ответил Дегтярев.

Для него это был не такой уж неожиданный поворот. Но чтобы так сразу…

— Ты чего, дурак, что ли? — начал было снова ругаться старший, но, увидев серьёзный взгляд Владимира, понял: тот не шутит. — Что ж с тобой стряслось-то? Смену назад не явился на передачку, а теперь ты тут тычешь в своих стволом. Причём ещё и ликвидаторским. И снаряга при тебе тоже ихняя. Давай рассказывай. И ствол опусти, а то по случайности пристрелить можешь.

Теперь старший говорил уже спокойнее, почти сочувственно.

Дегтярев ствол не опустил. Он всё пытался выкорчевать из памяти, которая сейчас напоминала кашу, кто эти двое. Но в голову ничего не приходило.

— Не, так дела не делаются. Сначала вы — потом я. У меня с головой проблемы небольшие, так что вас я не помню.

— Да оно и видно, что с башкой проблемы. Да и Марю ты пристрелил. Теперь хрен знает, что на этаж забредёт, — мужик тяжело вздохнул. — Коля я. Для всех — Саныч. А молой — Сидор. Тебя на передачке заменял. В общем, что рассказывать? С нами ты работал. Папиросы со свободных гигаблоков таскали. И лаз этот мы с тобой вдвоём колупали — аж целый цикл.

— Так, хорошо. Я тебя услышал. Но проблемка у меня: мне башку отбили, и нихрена я не помню. Так ещё и ликвидаторы на пятки наступают.

Владимир не совсем соврал. Но если расскажет, что он пришелец, на него точно посмотрят как на сумасшедшего.

— Ты, Вов, ствол-то опусти. А то малой сейчас реально в портки нагадит.

Дегтярев отошёл на пару шагов и опустил «Ералаш».

— В общем, мужики, обиды на меня не держите, но мне нужно в свободные блоки.

— Да какие обиды. Рано или поздно ликвидаторы должны были прикрыть лавочку. Ты мне только скажи: откуда у тебя их снаряга?

Полковник ненадолго задумался, но всё же рассказал максимально правдивую историю — хотя о многом умолчал.

— М-да. Завалить трёх оперативников — это мощно. Да и теперь достанут они тебя. И из «свободных» дальше тебе нужно, Вов. Как можно дальше. И желательно находиться как можно ниже. До сотого в принципе спуститься можно, но там заброшенные этажи. Последствия там не убирают, и самосбор его знает, что там творится, — начал рассуждать Саныч.

— Это и я сам понимаю. Вот хочу к искателям пробиться. Они всякие байки собирают. А у меня есть парочка — в голову пришли, когда по голове стучали.

Дегтярев слегка ухмыльнулся. Сидор отвёл глаза. А Саныч залился звонким смехом, эхо которого прокатилось по всему этажу.

— Ох, насмешил ты меня. Не возьмут они тебя. На кой ляд ты им сдался? Ты теперь на карандаше у ЧК.

— Разберусь как-нибудь. Ты главное проведи. Я помню, что переход в другой гигаблок на минус шестидесятом. Но кто на посту — не знаю.

— Известно кто. Алчный там. Комаров. Только вот вопрос: пришла ориентировка на тебя или нет? Если нет — пройдёшь. А если да… уж прости, ничем не помогу, — искренне ответил Саныч.

— Ладно уж. Веди, — коротко сказал Дегтярев.

Саныч с Сидором подобрали обрезы и повели полковника по коридору в сторону лестницы.

— Этажи до минус пятьдесят шестого заброшены. А дальше — постовые с другого гигаблока. Если ещё не успели с ними связаться — пройдёшь без проблем. Наверное. Главное, чтобы вопросов к снаряге не возникало. Ну а как к пункту подойдём — там на вагонетку и прямиком через шесть гигаблоков к свободным.

— Звучит как план, — констатировал Дегтярев.

— Это он и есть, Володя. Ты главное не переживай. Своих не бросаем, — ответил Саныч.

Глава 7

Глава 7

Дегтярев

Спускаясь по лестнице, Дегтярев пытался собрать обрывки воспоминаний. Лицо Саныча казалось знакомым, но в памяти всплывали лишь разрозненные кадры: тусклый свет ламп, перегруженные вагонетки, лица в респираторах.

Он чувствовал смутную вину за пристреленную тварь, которую Саныч назвал Марей. Сидор, до этого молча плетшийся сзади, тоже рассказал о мутанте. По его словам, для людей Маря была безобидной: питалась мхом и плесенью со стен, а более мелкие твари её боялись и не вылезали из щелей.

Миновав несколько этажей, они вышли к относительно ухоженному коридору, освещённому тусклыми лампами. Вдоль стен стояли ящики, набитые контрабандой: пачки папирос, бутылки с мутной жидкостью, запчасти от каких-то механизмов. Здесь чувствовалась жизнь — пусть и подпольная.

Саныч махнул рукой, указывая направление.

— Дальше сам иди. Мы тут останемся, нам ещё груз обратно забрать надо. Лавочка теперь, считай, закрыта. Если что — кричи. Но лучше не кричи, — усмехнулся он. — Вагонетка за углом. Главное, не привлекай внимания.

Саныч вложил Дегтяреву в руку увесистую пачку талонов и напомнил о Комарове:

— Ты главное уверенно держись. Если вопросы возникнут, говори, что просто за передачей попался. Но ни в коем разе не говори, что пришил кого-то. Ликвидаторы хоть и продажные, но не любят, когда их убивают.

Старик хлопнул его по плечу.

— Пропускная через полтора километра. Досматривать навряд ли будут, но на всякий случай спрячь снарягу в люк под подвеской.

— Спасибо, Саныч. Долг когда-нибудь верну, — сказал Дегтярев и направился к вагонетке.

Вагонетка оказалась ржавой конструкцией, сваренной из двух «буханок», давно не знавшей ни смазки, ни ремонта. Комфорта — ноль. Зато на пассажирском сиденье лежал старый добрый «кривой».

Дегтярев невольно улыбнулся и потёр грудную клетку, вспомнив, как когда-то получил трещину в рёбрах при попытке завести ЗИЛ с кривого стартера. На удивление, эта развалина завелась с первого прокрута.

Люк под подвеской оказался небольшим, но достаточно вместительным, чтобы спрятать оружие и химзу. Дегтярев уложил туда снаряжение, стараясь не шуметь. Сердце колотилось в груди. Каждый шорох заставлял его вздрагивать.

Покончив со снарягой, он занял водительское место и постарался выглядеть как обычный работяга.

Двигатель заурчал. По корпусу вагонетки прошла тяжёлая вибрация. Машина тронулась, медленно набирая скорость.

Темнота сгущалась вокруг. Лишь тусклый свет фар выхватывал из мрака очертания самодельного тоннеля. Если приглядеться, становилось видно, как грубо здесь когда-то снесли межквартирные перегородки, превратив несколько этажей в один длинный подземный ход.

Вскоре впереди замаячил свет.

Дегтярев постарался придать лицу невозмутимое выражение. Вспомнил слова Саныча: уверенность и спокойствие.

Вагонетка замедлила ход. Владимир увидел фигуру в форме ликвидатора.

Постовой окинул его равнодушным взглядом. Дегтярев протянул пачку талонов через окно, стараясь не выдать волнения.

Ликвидатор взял талоны и не спеша пересчитал. Пауза затянулась. Он приподнял бровь, но промолчал.

Дегтярев держал зрительный контакт и не отводил глаз.

Наконец ликвидатор кивнул и засунул талоны себе в карман.

— Проезжай, — буркнул он, не поднимая глаз.

Дегтярев облегчённо выдохнул и прибавил газу. Вагонетка рванула вперёд, унося его всё дальше вглубь подземелья.

Когда Дегтярев был уже достаточно далеко, довольный постовой, улыбаясь, зашёл в кибитку, где сидел Бледный Комаров.

— Товарищ лейтенант, я тут это… лоха одного обул. На пятьдесят талонов! Он мне и слова не сказал, — радостно сообщил постовой.

Лейтенант медленно поднял взгляд. Потом поднял листок и показал его сержанту.

— Будь добр, скажи, что это не он.

На листке была ориентировка. С фотографии смотрел Дегтярев.

Сержант прищурился.

— Дык это, товарищ лейтенант… он и был, — недоумённо ответил постовой.

Комаров открыл рот в беззвучном крике и обеими руками схватился за голову.

Если вскроется, что они его пропустили, их всех к стенке приставят. И ещё спасибо скажут, что без лишней бумажной волокиты.

— Значит так, сержант, — медленно проговорил Комаров. — Прикрываем лавочку. Никого не пускать без пропуска. И о том, что ты его пропустил…

Комаров ткнул пальцем в ориентировку.

— …никому ни слова. Этот отбитый пришиб полковника ЧК. Ты хоть понимаешь, что с нами будет, если узнают?

Сержант побледнел. Медленно, молча, сел на стул.

Радость от пятидесяти талонов куда-то исчезла.

Он смотрел на ориентировку так, будто бумажка могла сама по себе заговорить и донести на него в ЧК.

Комаров медленно опустился обратно на табурет. Кибитка была тесная, прокуренная, с облупившимися стенами и маленьким мутным окошком, через которое виднелся освещённый кусок тоннеля. Где-то снаружи гудел старый генератор. Лампочка под потолком мигала, будто тоже нервничала.

За кибиткой, на запасном пути, стоял серый грузовой контейнер без маркировки.

Его пригнали ещё до смены. Сказали — временное хранение, до особого распоряжения. Пломбы на дверцах были кривые, не заводские, а какие-то кустарные: проволока, свинцовые болванки и красная печать транспортного отдела, смазанная так, будто её ставили в темноте и на бегу.

Комаров тогда хотел спросить, что внутри.

Но не спросил.

На минусовых этажах существовало простое правило: если груз без маркировки, значит, тому, кто задаёт вопросы, потом тоже могут выдать бирку. Уже на ногу.

Да и какая, в сущности, разница? Через пост постоянно гнали всякое: папиросы, концентрат, запчасти, батареи, старые фильтры, патроны, контрабандные журналы, иногда — людей. Комаров давно научился отличать опасный груз от выгодного.

Тот контейнер казался выгодным.

Теперь он уже не был в этом уверен.

— Товарищ лейтенант… — осторожно начал сержант.

— Молчи.

— Но, может, ещё догоним?

Комаров посмотрел на него так, что сержант сразу пожалел о сказанном.

— Догоним? — тихо переспросил лейтенант. — На чём? На твоём чувстве служебного долга? Или на моей язве?

Сержант сглотнул.

— Там же аварийная дрезина есть.

— Ага. Есть. Только она заводится через раз, тормозит через три, а последний раз на ней ездил покойный Прошин. Помнишь Прошина?

Сержант помнил. Прошина потом собирали в два ведра и один противогаз.

Комаров тяжело выдохнул и снова посмотрел на ориентировку. С фотографии на него смотрел мужчина с жёстким взглядом. Не местный работяга. Не заблудший контрабандист. Не очередной дурак, решивший пронести ящик папирос мимо поста.

Этот был другой.

И теперь этот другой ехал через их участок.

— Так, — сказал Комаров уже деловым тоном. — Запись в журнале есть?

Сержант замер.

— Какая запись?

— Про проезд вагонетки, сержант. Запись. В журнале. Бумажный такой. С клеточками. Ты туда иногда кружки от чая ставишь.

Сержант медленно повернул голову к столу, где лежал раскрытый журнал учёта. На последней строке корявым почерком было выведено:

«Передача. Один человек. Без груза. Проверено. Пропущен.»

Комаров закрыл глаза.

— Сержант.

— Да, товарищ лейтенант?

— Ты идиот.

— Так точно.

— Это был не вопрос.

Сержант виновато опустил взгляд.

Комаров потёр переносицу. Нужно было принимать решение. Быстро. Желательно такое, после которого их не расстреляют, не отправят в зачистку нижних этажей и не переведут на пищевой участок.

Он открыл ящик стола, достал помятый бланк и начал писать. Рука дрожала, но почерк оставался ровным.

— Что пишете? — спросил сержант.

— Правду.

— Всю?

Комаров поднял глаза.

— Ты совсем самоубийца?

Сержант благоразумно промолчал.

Лейтенант продолжил писать:

«В 18:43 через пост проследовала неустановленная вагонетка без маркировки. Водитель отказался остановиться, увеличил скорость и скрылся в направлении свободных гигаблоков. Попытка задержания не предпринималась ввиду отсутствия технической возможности и риска повреждения тоннельной инфраструктуры…»

Он остановился, подумал и добавил:

«…а также возможного наличия у нарушителя вооружения.»

— Вот, — сказал Комаров. — Теперь он не прошёл. Он прорвался.

Сержант моргнул.

— Но он же остановился.

— Сержант.

— Да?

— Ещё одно слово — и ты прорвёшься следом. Пешком.

Сержант захлопнул рот.

Комаров сложил бумагу, сунул её в папку и поднялся.

— Сейчас передадим сообщение наверх. Но не сразу.

— Почему не сразу?

— Потому что если передадим сразу, они спросят, почему мы его не задержали. А если передадим через десять минут, он уже будет достаточно далеко, чтобы нас могли обвинить только в… — Комаров запнулся, не найдя подходящего слова, и раздражённо махнул рукой. — В общем, в объективной невозможности преследования.

— Понял.

— Ничего ты не понял. Но это уже привычно.

Снаружи вдруг послышался металлический скрежет.

Оба замерли.

Скрежет повторился. Потом со стороны запасного пути глухо ударило, словно кто-то изнутри приложил по стенке контейнера чем-то тяжёлым.

Комаров медленно повернулся к окну.

— Это не с его стороны, — прошептал сержант.

— Слышу.

Удар повторился.

Потом ещё один.

На этот раз металлическая стенка контейнера жалобно застонала. Генератор закашлялся. Лампочка мигнула раз, другой — и погасла.

Кибитка погрузилась в темноту.

Сержант нервно выругался.

— Фонарь, — коротко приказал Комаров.

Тот зашарил по столу, уронил кружку, выругался ещё раз, но всё-таки нашёл фонарь и щёлкнул кнопкой. Тусклый луч скользнул по стене, по ориентировке, по лицу Комарова.

Лейтенант уже не выглядел злым.

Теперь он выглядел испуганным.

Из тоннеля донёсся протяжный звук. Низкий, влажный, похожий одновременно на стон трубы и дыхание очень большого животного.

Потом что-то треснуло.

Не громко.

Но так, что у Комарова внутри всё похолодело.

Он знал этот звук. Так рвётся сварной шов.

— Товарищ лейтенант… — прошептал сержант.

— Тихо.

Комаров прислушался.

За стенами кибитки что-то двигалось. Не шагало — скользило. По бетону, по рельсам, по металлической обшивке тоннеля. Медленно. Тяжело. Не торопясь.

Потом раздался плеск.

Сержант побледнел ещё сильнее.

— Это слизь?

Комаров не ответил. Он осторожно приподнял край шторы и посмотрел в окно.

Сначала ничего не было видно. Только темнота, рельсы и редкие аварийные огоньки вдоль стены.

Потом один из огоньков погас.

За ним второй.

Третий.

В тусклом остаточном свете Комаров увидел контейнер.

Одна его створка выгнулась наружу, будто изнутри её медленно выдавливало что-то огромное. Из разорванного шва по нижнему краю сочилась густая масса серо-бурого цвета с малиновыми прожилками.

Она стекала на рельсы не как жидкость.

Она ползла.

Цеплялась за бетон, тянулась к стенам, расползалась по шпалам тяжёлыми блестящими складками. Внутри этой массы что-то шевелилось.

Мелкое.

Много мелкого.

Комаров увидел тонкие лапы. Узкие спины. Белёсые пузырьки, похожие на глаза. Несколько тварей вывалились из разрыва вместе со слизью и тут же забились в щели между рельсами, будто искали, куда спрятаться.

Потом одна подняла голову.

И посмотрела прямо на кибитку.

— Закрывай ставни, — прошептал Комаров.

Сержант не двинулся.

— Сержант!

Тот вздрогнул, бросился к окну и с грохотом захлопнул металлическую ставню.

Снаружи тут же что-то ударило по ней.

Один раз.

Второй.

Третий.

Не сильно. Скорее проверяя.

Комаров схватил телефонную трубку. Линия молчала. Он несколько раз дёрнул рычаг.

Ничего.

— Связь легла, — сказал он.

— Что делать будем?

Комаров посмотрел на дверь. Потом на сержанта. Потом на ориентировку Дегтярева, всё ещё лежавшую на столе.

И только теперь понял, что контейнер без маркировки, который он разрешил оставить на запасном пути за десять талонов и две банки нормального тушняка, был частью той самой партии, о которой утром шептались грузчики.

Сектор D-7.

Завод гермодверей.

Несанкционированный груз.

Он тогда решил, что это просто контрафакт.

Папиросы. Фильтры. Может, украденные гермодверные замки.

Снаружи снова ударили в ставню. Теперь сильнее.

Сержант поднял автомат и направил его на дверь.

— Товарищ лейтенант, может, через задний выход?

Комаров медленно повернул голову.

Задний выход вёл как раз к запасному пути.

К контейнеру.

К тому, что из него вытекало.

— Нет, — сказал он. — Через задний выход уже поздно.

— Тогда что?

Комаров посмотрел на папку с фальшивым отчётом. Потом на телефон. Потом на сержанта.

— Тогда, сержант, будем делать то, что у нас в Гигахруще делают все приличные люди.

— Что?

Снаружи раздался влажный, хлюпающий звук. Будто кто-то провёл ладонью по мокрому стеклу.

Комаров снял с предохранителя пистолет.

— Надеяться что не сдохнем...

20 минут спустя Аварийная шлюзовая № 6

Аварийная шлюзовая № 6 встретила Егора Дмитриевича Вакутагина и его старого друга Никиту Птахина красным светом, гулом реле и запахом перегретой проводки.

Семён Селёдка стоял у пульта, согнувшись над щитом так, будто пытался взглядом заставить лампочки вести себя прилично.

— Егор Дмитриевич! — выдохнул он. — Наконец-то.

— Где?

Селёдка ткнул пальцем в схему.

— Сорок второй тоннель. Вот здесь пропал Комаров. Здесь легла связь. Здесь погас первый маяк. Потом второй. Потом третий.

— Биопетли?

— Красные. Все три по линии.

— Влажность?

— Ползёт вверх.

— Температура?

— Падает.

Вакутагин посмотрел на схему. По третьей нижней ветке медленно двигалась тусклая метка.

Одна.

Без номера.

Без ответа.

— Это кто?

— Не знаю, — сказал Селёдка. — По графику никого быть не должно.

— Вызывал?

— Три раза.

— Ответ?

— Тишина.

— Может, датчик врёт?

Селёдка посмотрел на него с обидой.

— Может. А может, за этой штукой ползёт тонна живой дряни, которая уже сожрала половину сорок второго.

Позади неизвестной метки на схеме погас ещё один маяк.

Потом ещё один.

Красные точки биопетель мигали редко и зло.

Егор Дмитриевич видел такую картину раньше. Не именно здесь, не именно на этом щите, но видел. Сначала связь. Потом свет. Потом датчики. Потом кто-нибудь обязательно говорил: «Может, обойдётся». После этого обычно начинали считать не живых, а оставшиеся патроны.

— До шестой гермы сколько? — спросил Вакутагин.

— Если метка держит скорость — минут семь.

— А то, что идёт за ней?

Селёдка сглотнул.

— По маякам быстрее.

Птахин посмотрел на схему.

— Закрываем?

Селёдка замер.

Он тоже посмотрел на Вакутагина.

Старший прапорщик ликвидационного корпуса в отставке молчал несколько секунд. Потом спросил:

— Где метка относительно отсечного кармана?

— Ещё до него.

— Скорость?

— Неровная. Но идёт.

— Масса?

— По датчику — лёгкая единица. Вагонетка или короткая платформа.

— Если закрыть сейчас?

Селёдка поморщился.

— Она влетит в первую створку.

— И?

— Ну… помнёт морду.

Вакутагин медленно повернул к нему голову.

Селёдка поправился:

— Может снести нижний ловитель. Или выбить направляющую. Герма старая.

— То есть не закроется.

— Может не закрыться, — неохотно сказал техник.

— А если она врежется уже после закрытия?

— Тогда точно не дожмёт. Паз забьёт металлом.

Птахин хмыкнул:

— Красиво. Закроем по инструкции — и сами себе сделаем дырку.

— Инструкции для рабочих систем пишут, — сказал Вакутагин. — У нас историческая реликвия.

Он снял микрофон внутренней связи.

— Нижняя третья, это шестая герма. Ответьте.

Динамик зашипел.

Ответа не было.

Вакутагин повторил:

— Неучтённая единица на третьей нижней ветке, это шестая герма. У вас позади аварийное заражение тоннеля. Если живы — жмите ход. Если не живы — всё равно жмите ход.

Только треск.

Птахин покосился на него.

— Заботливо.

— Я не о них забочусь.

— А о ком?

Вакутагин кивнул на схему.

— О герме. Если эта телега воткнётся в створку, мы потом слизь будем веником от жилого сектора отгонять.

Селёдка нервно облизал губы.

— Тогда что?

— Даём ей проскочить отсечной карман. Закрываем сразу за хвостом.

— А если там никого нет?

— Тем более. Меньше крика.

Птахин тихо сказал:

— Егор Дмитриевич, ты иногда прям душа компании.

— Я старший прапорщик в отставке. Душа у меня списана вместе с пайком.

На схеме метка дёрнулась.

Потом пошла быстрее.

Селёдка наклонился к щиту.

— Ускорилась.

— Увидел нас или увидел то, что сзади, — сказал Птахин.

— Второе убедительнее, — ответил Вакутагин.

Ещё один маяк погас.

Теперь тёмная цепочка на схеме почти догоняла тусклую метку.

Селёдка тихо выругался.

— Егор Дмитриевич…

— Вижу.

Вакутагин повернулся к постовым у двери.

— Вы двое — к боковым ставням. Если что-то проскочит, стрелять вниз, по рельсам. Не по силуэту, не по теням. По тому, что ползёт.

Постовые переглянулись.

— А если вагонетка не успеет?

Вакутагин посмотрел на них спокойно.

— Тогда закрываем по ней.

Птахин не удивился. Селёдка тоже.

В Гигахруще это было нормально. Неприятно, грязно, но нормально.

Один неизвестный против жилого блока.

Даже считать нечего.

— Но пока она успевает, — добавил Вакутагин. — И если не мешать, проскочит.

Селёдка перевёл взгляд на щит.

— До зоны гермы две минуты.

— Первую заслонку на готовность.

— Она старая.

— Ты уже говорил.

— Привод греется.

— Он всегда греется.

— Ручной дублёр?

— Птахин.

Птахин тяжело вздохнул.

— Я так и знал, что моё имя где-то рядом с плохой идеей.

— Ты у нас почти официальный ручной дублёр.

— Почти официальный покойник.

— Не льсти себе. На покойника ещё заслужить надо.

Птахин проверил карабин и пошёл к боковому люку.

— Медика брать?

— Возьми.

— Чтобы лечила?

— Чтобы подтвердила, что ты опять преувеличиваешь.

Девчонка-медик побледнела, но молча пошла за ним.

Снаружи завыла сирена.

Красные лампы вспыхнули вдоль тоннеля. Где-то в глубине послышался тонкий металлический визг — колёса входили в поворот на скорости, для которой этот участок никогда не проектировали.

Селёдка прилип к смотровому стеклу.

— Идёт.

Вакутагин встал рядом.

Из темноты вылетел свет.

Одинокая фара.

Кривая, дрожащая, почти слепая.

Потом показалась сама вагонетка — низкая, ржавая, с приваренными листами по бокам и разбитым передним щитком. Она неслась по нижней ветке, раскачиваясь так, будто каждый стык рельсов мог стать последним.

В ней сидел человек.

Один.

Вакутагин не успел рассмотреть лица. Только плечи, руки на рычаге и резкий поворот головы назад.

Значит, живой.

Значит, видел.

— Кто это? — спросил Селёдка.

— Неважно, — сказал Вакутагин.

Птахинский голос хрипнул из боковой связи:

— Нижний дублёр на месте. Вижу вагонетку. За ней что-то есть.

— Что именно?

Пауза.

Потом Птахин сказал уже тише:

— Свет за ней гаснет. Ни черта не видно.

Вакутагин снял карабин с плеча.

— Селёдка, считай хвост.

— Понял.

Вагонетка влетела в зону гермы.

На мгновение Вакутагин увидел лицо водителя в красном аварийном свете: жёсткое, серое от усталости, с глазами человека, который уже слишком много раз за последнее время не умер.

Незнакомец повернул голову к смотровому стеклу.

Их взгляды встретились на долю секунды.

Потом вагонетка проскочила дальше.

— Хвост прошёл! — крикнул Селёдка.

— Закрывай! — рявкнул Вакутагин.

Селёдка ударил по рычагу.

Привод взвыл.

Гермозаслонка пошла вниз.

Медленно.

Слишком медленно.

Из темноты за вагонеткой метнулась серо-бурая масса с малиновыми прожилками. Она не текла — она рвалась вперёд, цепляясь за шпалы, за стенки, за рельсы. Внутри неё шевелились мелкие белёсые твари.

— Быстрее, старая падла, — прокричал Вакутагин.

Заслонка опускалась.

Метр.

Полметра.

Тридцать сантиметров.

Одна тварь успела проскочить внутрь.

Вторая прыгнула следом.

Третью размазало краем гермы.

Раздался влажный хруст.

Заслонка села в паз.

На этот раз — почти ровно.

Селёдка выдохнул:

— Дожала…

Но Вакутагин уже смотрел не на щит.

Он смотрел туда, где вагонетка остановилась за внутренней линией, в безопасной зоне шестой гермы.

Водитель медленно поднялся.

Держался на ногах плохо, но уверенно..

Птахин по связи спросил:

— Егор Дмитриевич, неизвестного брать?

Вакутагин посмотрел на тварь, которая шипела у рельса уже по эту сторону заслонки.

Потом на человека у вагонетки.

— Брать, — сказал он.

— А зачем?

Вакутагин передёрнул затвор карабина.

— Потому что он приехал оттуда, где всё началось. Значит, либо знает что-то полезное, либо сам полезен как приманка.

Незнакомец поднял голову.

— Слышал, — сказал он хрипло.

Вакутагин прищурился.

— Тогда начинай быть полезным. Кто ты такой?

Человек помолчал.

Потом ответил:

— Дегтярев.